

ЭЛЬ БЛАНК

Колечко для
Наследницы

Эль Бланк
Колечко для наследницы
Серия «Наследницы
космической империи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54219955

Аннотация

Единственная дочь, наследница огромной звездной империи, влюбленная невеста будущего императора... Ей так много дано и позволено! Даже беспечность юных лет, из-за которой она в одночасье теряет все, что ей так дорого. И вот уже нет жениха, нет родных, не на кого опереться, а империя рухнула. От такого можно впасть в отчаяние... А можно искать свой путь! Выжить в стычке с пиратами, доказать врагам свои права на титул, возродить империю. Но главное – вернуть кольцо, потерянное в прошлом, залог победы, счастья и любви.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	75
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Эль Бланк

Колечко для наследницы

Глава 1

Выбор и детство. Куда от них деться?

Начинается взросление в славный праздник...

День рождения.

Теплый ветер, резкими порывами набрасывающийся на берег, несет с собой запахи моря – простора, влаги, соли. Раз за разом повторяя свою атаку, играет с волосами, выпутывая из прически синие прядки, рвет с тела одежду и вновь успокаивается, чтобы через минуту вернуться и с новыми силами продолжить наступление. Ласковые лучи Адапи гладят кожу, оставляя на ней ощущение тепла и неги. Скользят по гладкой поверхности воды и взрываются миллионами бликов, когда нежданная волна подкатывает к берегу, ударяясь о скалу. Шумное «бум-ш-ш!» сливается с протяжным стоном потревоженных обитателей скал. Вынужденные подняться в воздух, ворки парят в кристально чистой атмосфере на фоне голубого неба, отливая разноцветным перламутром. Изумительное зрелище.

– Пора, – мелодично вплетается в этот прекрасный фон нежный девичий голос. – Ваш брат прислал сообщение. Нас ждут.

– Подождут, – легко отодвигаю неизбежное.

Наслаждаясь приятными ощущениями, я жмурюсь от слепящих даже сквозь опущенные веки лучей. Сильнее сжав пальцы, оплетающие идущий вдоль обрыва гладкий поручень, наклоняюсь, запоминая ощущение свободы и независимости. Больше я такого не испытаю никогда.

– Осторожнее, не упадите, – вновь проявляет заботу фрейлина. Моего запястья касаются тонкие пальцы в готовности оказать поддержку.

– Вария, – беру ее за руку, вынуждая к откровенности, – скажи мне, это сложно – кого-то любить?

– Нет, что вы! – счастливо улыбается наперсница. – Это такое приятное ощущение: томление, мечты, желание быть вместе... Вам понравится.

Ей легко говорить, она уже отпраздновала свое пятнадцатилетие. И влюбилась сразу. Теперь с моего брата глаз не сводит, при его появлении теряет, краснеет, дышит через раз. Была нормальная подруга и за каких-то два года превратилась в степенную фрейлину, озабоченную вниманием одного-единственного мужчины. А сегодня и мне это предстоит. Потерять голову и сделать выбор. Жуть.

– Допустим. – Я все равно не сдаю позиций, желая все прояснить. – Поначалу это не столь обременительно. А дальше?

Ты в курсе, что тебя ждет через три-четыре года, когда организм начнет перестраиваться? А к совершеннолетию? Я слышала, девчонкам совсем плохо становится, особенно вдали от возлюбленного.

– И где же вы наслушались подобного? – Синие глаза подруги смотрят на меня с укором. – Ваша мама будет в шоке.

– Не важно.

Отвожу взгляд в сторону, словно заинтересовалась пролетевшим совсем рядом ворком. Ну не признаваться же в том, что подслушиваю разговоры слуг! Которые, кстати, без ущерба для своих обязанностей весьма активно и охотно обсуждают личную жизнь придворных. И если быть внимательной и осторожной, можно почерпнуть для себя очень многое.

– Не думаю, что вам стоит волноваться. Все это естественно. И от ранних привязок никто с ума не сходил, все спокойно дожидались совершеннолетия. Так что, я уверена, встретите женихов – и все страхи исчезнут, – так и не дождавшись ответа, резюмирует Вария, проявляя присущее ей понимание. Несмотря на юный возраст, она куда разумнее многих взрослых дам-наставниц, на уроках которых чаще мне приходится под них подстраиваться, нежели наоборот.

– Ладно, идем. – Я со вздохом разворачиваюсь, понимая, что откладывай не откладывай, а итог все равно будет один.

По дороге, высеченной в крутом склоне над обрывом, мы доходим до парковой зоны. Камни здесь сменяются низкой

травой, море скрывается за скальными поднятиями, пронизанными узкими ручейками. Срываясь вниз маленькими водопадами, водные потоки переливчато журчат, привлекая к себе местных обитателей. В другое время я бы обязательно остановилась, чтобы на них полюбоваться, но сейчас прохожу мимо.

За грядой появляются кустарники и вездесущие вьюны, поднимающиеся по любой вертикальной поверхности. Со стен дворца садовники каждый год снимают буквально врастающие в камень проростки. Не делай они этого, здание за сотню лет скрылось бы в дремучих зарослях. И наверняка превратилось в развалины. А ведь оно так красиво!

Я совсем иначе смотрю на дом, в котором провела свое детство. Огромное внушительное сооружение из серого камня, на котором я рисовала знаки-указатели, играя с дочками придворных в прятки. Высокие оконные проемы, еще полгода назад закрытые прозрачным пластиком, а сейчас затянутые тонким, но куда более прочным трипслатом – подарком исгреан, определенно рассчитывающих, что сегодня я выберу их принца. Ведущие на площадку боковые лестницы, по ступеням которых я столько раз и степенно спускалась, и едва ли не скатывалась кувырком, торопясь на прогулку. Столько воспоминаний!

– Позвольте, я помогу! – Вария подхватывает меня под руку, когда я спотыкаюсь, перестав следить, куда шагаю.

– Спасибо.

Приподняв легкую ткань юбки бледно-голубого платья, я поднимаюсь к призывно распахнутым створкам парадного входа, пытаюсь разобраться – что же со мной происходит? Рассеянность, совершенно не имеющая причин. Тревожное ожидание, поселившееся в душе. Ностальгия по уходящему детству... Но почему? Я ведь никуда не уезжаю, как жила, так и останусь здесь жить до совершеннолетия. Что-то определенно меняется в моем сознании. Это и есть тот самый обещанный мамой «переломный момент»?

С каждым шагом, приближающим меня к тронному залу, где собрались прилетевшие на Вион гости, мое волнение растет. Воздух словно сгущается, с трудом проникая в легкие. Яркий свет, падающий в оконные проемы, кажется тусклым. Ощущение тепла сменяется зябкой прохладой, заставляя кожу покрываться мурашками. И все же, когда подошвы моих туфелек ступают на идеально гладкий, отшлифованный до зеркального блеска пол, когда моя фрейлина деликатно отходит в сторону, позволяя мне идти одной, когда голоса, заполняющие зал, стихают, я вновь обретаю уверенность и спокойствие.

Не глядя на придворных, отступивших к стенам, пересекаю зал, чтобы оказаться рядом с родителями. И на гостей пока тоже не смотрю, чтобы не нарушать подготовленный организатором праздника план церемонии. Мне ведь несколько дней пришлось его заучивать и репетировать.

– Идилинна, – ласково звучит голос отца, – прими наши

поздравления.

Он протягивает руки, и я не мешкая шагаю ближе, чтобы оказаться в сильных и таких привычных объятиях. На краткий миг прижимаюсь щекой к плотной ткани темно-синего мундира где-то на уровне груди, потому как папа меня намного выше, и отстраняюсь. Прошептав «спасибо!», поднимаю голову, чтобы заглянуть в глаза изумительного оттенка стремительно темнеющего неба, испытующе всматривающиеся в мое лицо. Они молчаливо спрашивают: все ли в порядке? И я улыбаюсь в ответ, показывая: все хорошо. Мне достаточно понимания – отец поможет, если такая необходимость возникнет.

– С днем рождения, доченька! – Мама искренне радуется тому, что сейчас происходит.

Ее я обнимаю ничуть не менее крепко, хотя, надо уж признаться честно, с ней мы более далеки друг от друга. Папа всегда дела откладывал, если чувствовал, что для меня его внимание в данный момент важнее. Мама же не только не поощряла подобного самопожертвования, но и не раз говорила, что он – император и король Виона, а потому игры с дочкой вовсе не обязательны, ведь есть специально нанятые для этого воспитатели. И сама не слишком часто со мной возилась. Я думаю, мама папу ко мне ревновала. Она даже сейчас радуется не столько моему пятнадцатилетию, сколько тому, что скоро я влюблюсь, выйду замуж и улечу жить на другую планету, к мужу. Тогда папа будет принадлежать

только ей.

Впрочем, я напрасно ее в этом укоряю. Мама папу любит. И он в ней души не чаёт. Так что оба родителя у меня замечательные. Каждый по-своему, да, но этого и следовало ожидать: отец – вионец, а потому покладистый и всегда готовый пойти на компромисс, а вот мама, как истинная шенорианка, характер имеет воинственный. И делить мужа не желает даже с дочерью.

– С праздником, сестричка, – подключается к процессу Ваймон, дождавшись, когда я повернусь к нему. Правда, обнимать не спешит. Несмотря на то что мы родственники, это все равно неприлично, особенно при свидетелях: все же он совершеннолетний мужчина. Так что брат просто касается руки, которую я ему протягиваю.

И снова я улыбаюсь, ведь смотреть на Ваймона и не видеть в нем отца невозможно. Даже мама постоянно сетует, что сын от нее не получил ни единой черточки. Я хотя бы рост унаследовала, родительница тоже своему мужу едва до груди достает, а брат у меня высокий, статный, худощавый. И у нас с ним нет ничего, что характерно для облика шенориан: ни ярко-желтых волос, ни курносого носика, ни карих глаз, ни круглого личика. Маму это очень расстраивает.

– Позволь представить тебе наших гостей, – вновь перехватывает инициативу папа.

Я же глубоко вздыхаю, настраиваясь на церемонию, и разворачиваюсь к залу. Мне ведь не сказали, кто именно жела-

ет участвовать в выборе, чтобы я оставалась беспристрастной. Потому я готова увидеть кого угодно – в империи сейчас уже больше семидесяти планет. И шанс стать новой столицей есть у любой из них, при наличии неженатого представителя правящей династии, разумеется, ну и если до этого они статуса столицы не имели.

И сколько же желающих на текущий момент?

Скользнув глазами по ближайшему к нам окружению, понимаю – не так уж много. На фоне синеволосых вионцев всего пятеро мужчин выделяются своей необычной внешностью.

Первым, потому как его планета раньше остальных вошла в состав империи, навстречу шагает белокожий цессянин.

– Хэйрас Навин ли’Тон, – раздается за спиной голос отца.

Глядя в почти скрытые за белой челкой бледно-сиреневые глаза, я заставляю себя улыбнуться. И ощущаю больше беспокойства, нежели желания общаться. Нет, ну он же старый совсем! Ну и пусть альбиносы по пятьсот лет живут, у меня с ним разница лет в двести. Он ровесник моего отца, не меньше. Дикость какая-то.

Впрочем, и второй претендент – яркий красноволосый военный-лансианин не кажется мне намного моложе и привлекательнее. Сговорились они, что ли?

– Ром Олиин ош’Лак, – продолжается представление. – Щер Дилес зе’Орон...

Передо мной появляется серый, совершенно невзрачный

молодой человек, больше похожий на бесцветную тень. Видийянин, несомненно. Только у них такой жуткий цвет кожи, от которого у меня снова мурашки бегут по коже.

– Евор Поис ро’дИас...

Темноволосый, симпатичный истреанин одаривает меня заинтересованным взглядом и тут же отводит глаза в сторону. Однако я успеваю заметить мелькнувшее в них разочарование. И поначалу теряюсь – куда это он сейчас смотрел? Что ему не понравилось? Невольно опускаю глаза и вспыхиваю от догадки: да, фигура у меня еще не женская, и, даже несмотря на элегантное платье и прическу, выгляжу я всего лишь девчонкой-подростком.

– Тогрис Ламин цу’лЗар.

В голосе отца тоже чувствуется возмущение реакцией истреанина, и мне становится жаль последнего претендента, потому что он-то ни в чем не виноват. Обычный светловолосый томлинец. Высокий, худощавый, с прямым открытым взглядом желто-оранжевых глаз, в выражении которых нет ничего пугающего или раздражающего. К тому же как раз его поведение и внешность отторжения у меня не вызывают. Впрочем, и желания броситься ему на шею тоже. М-да... Вот и думай теперь, нормально это или ненормально. И чего дальше ждать.

А дальше, кстати, официальная часть заканчивается. Распахиваются створки проемов, ведущих на террасу, звучит музыка, по залу разносится шелест голосов и шорох одежд.

Кто-то покидает помещение, кто-то просто меняет положение, отыскивая знакомых...

Я вновь оказываюсь в компании Варии. Мои потенциальные кавалеры далеко не уходят, общаются друг с другом, пока не рискуя настаивать на личной беседе со мной. Рядом бдительно кружит Ваймон, не допуская в наш круг посторонних мужчин. А мне становится весело. С одной стороны, понятно – это страховка. Все хотят, чтобы мой организм побыстрее определился, привязался к нужному претенденту и не возникло проблемной тяги к кому-то неправильному. С другой стороны, выглядит происходящее на самом деле смешно.

Прислушиваюсь к себе и понимаю – не так уж страшно. Мне появление первого влечения представлялось каким-то глобальным, катастрофичным, необратимым. В реальности же ничего такого нет. Видимо, зря я себя накручивала. Ну и ладно, мне же спокойнее. А вот выбор все-таки сделать придется.

– Дорогие гости, – вспомнив наставления устроителя, обращаюсь к «женихам», – мне кажется, и нам следует выйти на террасу. В зале мы не увидим того прекрасного зрелища, которое подготовлено в честь вашего прибытия.

– Вашего дня рождения, – мягко поправляет меня ли'Тон.

– Не причина важна, а результат, – парирую я легко. Наверняка потому, что больше не смотрю на цессянина как на будущего мужа. – И он, поверьте, вам понравится.

Я ничуть не лукавлю. Как можно не восхититься стремительно летящими по лазурно-голубому небу лайрами? В сравнении с ними меркнет даже перламутровое оперение ворков. Маленькие бирюзовые создания, с изумительными длинными хвостами, похожими на тонкие золотые нити, раскинув серебристые крылья, скользят в воздушных потоках. Сливаются в единую мерцающую стаю, разлетаются в стороны драгоценными искрами, пикируют, опускаясь на перила террасы под дружное «ах!» зрителей.

Сменяя их, в воздух поднимаются ик'лы – практически невесомые существа, похожие на разноцветные шары. У них сейчас сезон размножения, потому, получив свободу, они мечутся в поиске пары. Кружат радужными хороводами, а найдя партнера, сливаются с ним, разбухают и лопаются, осыпаясь вниз маленькими шариками-детенышами. Теперь им больше года предстоит расти, чтобы затем последовать примеру родителей, пожертвовавших собственными жизнями.

И снова взлетают лайрами. Вернее, соскальзывают с перил, практически падая на площадку, расположенную ниже террасы. На лету подхватывают лежащие на камнях, сплетенные между собой цветы, а затем взмывают ввысь, поднимая гирлянду над дворцом.

– Какая качественная дрессировка, – не удерживается от восторженного замечания видийнин.

– С такими маленькими животными наверняка это

несложно, – хмыкает в ответ лансианин. – Вам не приходилось сталкиваться с земульти. Вот кого приручить невероятно сложно.

– Наши хинари тоже не подарок, – презрительно цедит цессянин. – Годами обкатываем.

Томлинец молчит, как и исгреанин. Хотя у последнего определенно есть свое мнение, и он его все же высказывает, когда я вопросительно на него смотрю:

– Мы технику «дрессируем». Это нельзя сравнивать.

– А у вас? – не выдерживаю, обращаясь к Тогрису. – Разве на Томлине нет животных?

– Есть песчаные ящеры. Но они легко идут на контакт. Даже когда поднимаются в воздух.

– Летают? – В моем воображении тут же возникает картинка: мужчина, скользящий на мощном животном над пустыней. Шикарно!

– Только ночью. Днем просто бегают. С высотой уровень радиации быстро растет.

– Все равно это здорово! – радуюсь я, чувствуя, как по коже струится непонятное мне возбуждение. Словно предвкушение чего-то необычного. Наверное, потому и предлагаю: – А хотите на жирали полетать? Сравните ощущения.

– Очень хочу.

Тогрис искренне радуется моему предложению, а вот другие претенденты если и недовольны проявляемым мной вниманием к сопернику, стараются этого не показать. Делают

вид, что заинтересованы чем-то иным. Понимают, что их попытки вмешаться будут выглядеть неэтично. И тогда у них шансов точно не останется.

Я же протягиваю томлинцу руку и с трепетом жду, когда его пальцы скользнут по моей ладони. Ведь впервые меня касается чужой мужчина, не родственник.

Сама традиция очень старая. С самого основания империи закрепились, когда ипериане вот таким своеобразным ритуалом показывали дружеское расположение зоггианам. А еще она в некотором смысле провокационная – да, кожа на руках наименее чувствительна, но иногда этих прикосновений достаточно, чтобы хорошее отношение женщины к мужчине начало трансформироваться во влечение. Тем и ценно доверие, которое я сейчас оказываю Тогрису. Он ведь теперь точно имеет преимущество перед другими.

Касание, поначалу едва ощутимое, легкое, неожиданно становится пленом для моих пальцев. Скольжение превращается в пожатие. И длится оно... чуть дольше, чем нужно. Чуть сильнее, чем требуется.

Томлинец не удержался! Минимально, но все же вышел за рамки приличий. Видимо, я ему нравлюсь, в отличие от...

Бросаю беглый взгляд на исгреанина, и сомнений не остается – этому империанину я точно не нравлюсь. Руки на груди сложил, поза выжидательная, на лице прямым текстом написано: «Скучно». А жаль. Я бы и с ним попыталась контакт наладить. Симпатичный же.

С другой стороны, это его право отказаться от возможности стать моим мужем и императором. Для мужчины, конечно, не составляет особых проблем прожить свою жизнь с нелюбимой женщиной, но все же лучше, когда влечение рождается обоюдное.

Думаю, что и остальные претенденты это понимают. Как и то, какой выбор я сделала.

– Прошу простить, дорогие гости, но нам придется вас покинуть. – Я улыбаюсь и тщательно подбираю слова, стараясь никого не обидеть. – Жирали взлетают только с поверхности земли, как и приземляются. Так что для полета нужно спуститься в аэрариум. Вы можете остаться здесь, представление будет продолжаться. Или же присоединяйтесь к нам, я буду рада.

Удивительно, но радовать меня решается... видийянин! Лансианин и исгреанин, коротко кивнув, отступают к ограждению, от которого отошли, чтобы нам удобнее было общаться. Цессянин, на мгновение замешкавшись, тоже следует их примеру. В итоге по залу, коридорам дворца, лестнице, а затем дорожке, ведущей к загонам, я иду в сопровождении Тогриси и Щера. Вария и Ваймон следуют за нами, стараясь оставаться незаметными и не мешать.

Через несколько минут, когда распахиваются двери аэрариума, я люблююсь на удивленно вытянувшиеся лица моих спутников. Оно и понятно – мирно расслабляющиеся на травяной подстилке жирали, среагировав на наше появление,

тут же вскакивают и принимаются подпрыгивать, смешно выбрасывая две длинные тонкие лапки в стороны и удерживая равновесие на третьей. Они танцуют, привлекая к себе внимание, ведь выбор наездника это для них единственная возможность подняться в воздух. А летать эти существа очень любят.

Изумление мужчин сменяется растерянностью, едва я тихим свистом подзываю свою любимицу. Жали – темно-синяя жираль, совсем молоденькая, но при этом достаточно крупная, хлопая крыльями, стремительно бросается мне под ноги и расплывается на траве. Повторяя ее движение, еще четыре особи покидают стаю, подчиняясь свисту зрителей загона.

Пока гости внимательно слушают краткие наставления моего брата, на собственном примере показывающего, как правильно сидеть на неведомом ранее средстве передвижения, я и Вария удобно устраиваемся на пушистых спинках, в плотном пространстве между шестью сложенными крыльями. А дальше наслаждаемся. Сначала быстрым разбегом, когда жирали разгоняются для взлета, а затем планирующим полетом с медленным набором высоты.

Летать в платье, разумеется, не так удобно, как в брюках, но принципиальной разницы все равно нет. Особенно если юбка объемная. Приходится лишь следить, чтобы ткань не мешала животному, не поднималась потоками воздуха вверх и не закрывала обзор.

Я оглядываюсь, отыскивая взглядом своих кавалеров. Томлинец, выбравший ярко-зеленую особь, выглядит совершенно спокойным, а вот видийянину, сидящему на черной с белыми пятнами жирали, явно не по себе. Вперед наклонился излишне сильно, за шею животное схватил в поиске дополнительной опоры. Определенно боится. И совершенно напрасно, потому что свалиться с жирали можно только при очень большом желании. У нее всегда два крыла оказываются изогнуты так, что окружают наездника. Тому просто некуда падать.

Теперь в моей душе и к Щеру рождается волна сочувствия. Он ведь так много теряет! Сосредоточенный на том, чтобы держаться, не видит ни красоты неба, покрытого белыми штрихами облаков, ни зеленого простора огромного парка, разбитого вокруг дворца, ни плотной городской застройки у самого горизонта, к которой мы медленно приближаемся. Вагдрибор – столица Виона, однако дворец не является его частью и всегда оставался изолированным.

Не знаю, было ли это в планах устроителя праздника, но, едва мы оказываемся над городом, в воздух поднимается целая стая жиралей. Окружив кольцом, они нас сопровождают, и я с легкостью узнаю среди наездников вице-короля Виона, его жену и дочь – Ларилину.

Хорошее настроение тут же сходит на нет. Не только у меня, но и у летящей бок о бок со мной Вари. Мы обе не в восторге от этой девицы, а причина проста до банально-

сти – у нее тоже привязка к моему брату, а сбивать ее он не торопится, потому что все, а в особенности ее отец, на свадьбе настаивают. И меньше всего мне хочется портить себе праздник присутствием этой раздражающей особы.

Увы... Мы уже обратно поворачиваем, а сопровождающая кавалькада от нас не отстает и возвращаться в город не спешит. Вот меня теперь и гложет вопрос: то ли это я сгруппировала, когда сюда полететь решила, то ли они и без моей самодетельности все равно оказались бы во дворце.

– Идилинна! С праздником, дорогая наша девочка!

Вице-король, едва мы приземляемся, торопится подойти ко мне, чтобы приветствовать. И я, испытывая чувство вины за свое нежелание видеть его семью рядом, подаю руку. Он хороший империанин, добрый, и не виноват, что дочка не в него характером пошла. В маму, да... Вот в эту худющую, затянутую в облегающее темно-синее бархатное платье даму, которая на голову выше своего полноватого мужа и ведет себя куда более чопорно, как и говорит:

– Пятнадцатилетие – самый ответственный этап в жизни наследниц. Мы все в ожидании решения, кто же станет новым императором.

– Легкого выбора вам, – скромно опутив глаза, вторит ей Ларилина.

Зубы сводит от приторности, с которой эта... ол'ва¹ меня поздравляет. Сладко на вкус, а по факту потом сутки муча-

¹ Самое ядовитое растение на Вионе. – Здесь и далее примеч. авт.

ешься, пока организм от яда не избавится. И ведь отказать в общении нет никакой возможности – статус не позволяет!

Хорошо, что брат меня выручает. Приобняв потенциальную невесту одной рукой, ухитряется второй обвить талию помрачневшей Вари и утащить обеих в сторону. Теперь влюбленная девица становится проблемой моей фрейлины, зато я вновь могу сосредоточиться на своих кавалерах. Тем более они уже стоят рядом и ждут.

– Вам понравилось? – спрашиваю, потому что действительно хочу понять, что же мужчины чувствуют.

– Очень приятный полет. На ящерах все же менее комфортно, – первым отвечает Тогрис.

– Для меня это совершенно новые впечатления, – словно извиняется Щер, виновато разводя руками. – На Видийх вечный туман и нет возможности видеть такие большие открытые пространства.

– Как же вы ориентируетесь?

Вопрос срывается с моих губ и губ томлинца настолько синхронно, что мы от неожиданности замолкаем, а потом вместе смеемся невероятному совпадению.

– По магнитным полям. – Видийянин, ответив нам, тоже улыбается, но как-то иначе. Грустно, что ли. Или просто устало?

– Давайте вернемся в зал. Нас ждут. – На этот раз я протягиваю руки им обоим, так и не определившись в своих предпочтениях. Да, внешность томлинца мне больше импониру-

ет, но и мужество видийянина, до этого ни разу не поднимавшегося в воздух, достойно восхищения. Значит, и шансы у мужчин должны быть равные, а дальше... дальше пусть организм решает. Привязка ведь на уровне физиологии фиксируется.

Потому стараюсь не анализировать, что мне приятнее – уверенное, уже знакомое пожатие теплой руки Тогриса или осторожное, едва ощутимое прикосновение прохладных пальцев Щера. Просто жду, когда они воспользуются возможностью, которую я им предоставляю. Да и в оставшееся до ужина время больше не провоцирую ни себя, ни кавалеров. Любуюсь очередным ярким представлением, которое запускается, едва мы поднимаемся наверх, а когда оно заканчивается, в сопровождении Варии ухожу в свою комнату. Это только принцы приглашены в зал на личную беседу с императором, а мне там делать нечего.

Энергична и упряма, в курсе всех событий...

Мама.

– Лина, ты закончила ужинать? Выходи, обжорка, я тебя жду!

Из-за неплотно прикрытой двери столовой до меня доносится громкий уверенный голос. Шаги. Шорохи. И новая порция добродушного возмущения:

– Вария! Почему платье не убрано? И кровать не готова! Ты опять за этим не следишь? До сих пор в мыслях на жи-

рали летаешь?

– Я сейчас. Простите! – сплетается с нотацией виноватый лепет фрейлины. Однако, несмотря на это, родительница продолжает сетовать:

– Ты одна уже не справляешься. Придется брать еще одну наперсницу... Лина! Ты как не моя дочь, честное слово! Сколько можно есть?

– Иду, иду...

С сожалением посмотрев на тарелку, куда я только что положила добавку, поднимаюсь из-за стола. Аппетит у меня на самом деле зверский. И это никак не соотносится со способностями шенориан, которые я должна была от мамы унаследовать. То есть вместо того чтобы спокойно голодать сутками напролет, кушаю я вполне плотненько. А вот вес не набираю, и куда исчезает избыток веществ, никому не ведомо.

– Ну-ка, дай на тебя посмотрю...

Я едва успеваю открыть дверь столовой и ступить на мягкий ковер своей спальни, а мама уже стоит рядом. Окидывает придирчивым взглядом изящную ночнушку из тонкой белой ткани, распущенные волосы, перехваченные широкой лентой, многозначительно хмыкает и, крепко вцепившись в запястье, тащит к кровати, чтобы усадить, набросить на плечи теплое пушистое покрывало, сесть рядом и приказать:

– Рассказывай!

– Что именно? – обреченно вздыхаю, поджимая ноги под себя и укутываясь плотнее.

– Все! – предсказуемо масштабно заявляет родительница. Смеется и снижает объем требований. – Кто тебе понравился, разумеется!

– Я не уверена...

– Ой, да ладно! – Карие глаза, потрясенные моей скрытностью, поднимаются к украшенному орнаментом высокому своду потолка. – То-то я не видела, как ты на цу'лЗара смотрела. Ну и правильно. Он с тебя глаз не сводил.

– Зе'Орон тоже хотел быть рядом. Я ему понравилась.

– Еще бы не нравилась. Ты же наследница, – легко отмахивается мама. Смотрит на мое недовольное лицо, потому что с объяснением я не согласна, и восклицает: – Лина! Наивная! Да заинтересованность видийянина влечением и не пахнет! Он же второй сын короля. Никаких перспектив на правление планетой. Потому и цепляется за возможность стать императором.

– Ясно. – Хотя и остаюсь при своем мнении, но больше не спорю. – А ро'дИасу мой статус, видимо, безразличен, я ему внешне не приглянулась.

– Про него вообще говорить не хочу! Даже твой отец возмутился. Если бы не подарок, который исгреанин сделал, его выгнали бы с праздника, – сообщает мама. Разве что ее объяснение в корне отличается от того, которое я дала поведению мужчины. – У этих вояк пунктик на синем. На дух этот цвет не выносят. А уж голубой и подавно. Вот и зачем, в таком случае, на отбор лететь?

– Может, принц надеялся, что отторжение не проявится? – неожиданно слышится тонкий голосок.

Удивительно, но вмешательство Вари, которой обычно всегда доставалось за попытки вступить в разговор без разрешения, на этот раз остается безнаказанным. Мама лишь бросает на нее задумчивый взгляд и высказывает иное предположение:

– Или его отец на участии настаивал. Тогда я не удивлюсь, если ро'дИас специально так себя повел, чтобы уж его точно не выбрали.

– Полетел на отбор, только лишь чтобы исполнить волю родителя? – ужасается фрейлина.

– Ну да. Со стороны посмотреть – к нему никаких претензий. Он долг выполнил, попытался, но не смог получить такую драгоценность, как рука наследницы. – Мама усмехается и возвращается ко мне. – Значит, Тогрис цу'лЗар, – говорит утвердительно. – Ну что ж, хороший выбор.

– Я еще не решила! – аж подпрыгиваю от возмущения.

– Ага, верю. – Язвительности в голосе родительницы прибавляется. – Предпочтешь одного из старых прожженных интриганов, который будет всю жизнь тобой управлять. Ты повзрослеешь, а он этого даже не заметит, продолжая считать глупой маленькой девочкой. Шикарная перспектива!

Она права. Увы, но так и есть. То есть будет, если рискну выйти замуж за лансианина. Или цессянина.

– Почему?.. – не выдержав, всхлипываю, размазывая по-

катившиеся по щекам слезы. – Почему у меня выбор такой маленький? Семьдесят планет! А женихов...

– Прекратить истерику! Немедленно! – командным голосом приказывает мама.

Шенорианка. Характер у нее нестигаемый. Проще послушаться, чем продолжать настаивать на своем, встречая нешуточное сопротивление. Даже папа так поступает. Вот и мне приходится, вцепившись в платочек, который подала торопливо подскочившая Вария, убирать с лица следы паники. И слушать.

– Кто бы жаловался, только не ты! У тебя пять – Идилина, слышишь? – целых пять претендентов! У меня не было никого, кроме твоего отца. Вообще не было выбора, понимаешь? Твоя прабабушка дала обещание бабушке твоего отца, когда тот родился, что ее внучка выйдет замуж за ее внука. Глупое обещание, опрометчивое. А в итоге меня лишили выбора. Но я же не жаловалась. Ты от меня хоть полслова упрека отцу слышала? Вот то-то же! А мало претендентов прилетело, потому что остальные – трусы! Не хотят брать на себя ответственность. Ясное дело, проще управлять одной-единственной планетой, на которой ты у себя дома, чем решать проблемы разных планет, решившихся на объединение. А ты подумай, дочка, нужен ли империи нерешительный, не способный принимать волевые решения император? Так что радоваться нужно, что недостойные претенденты сами избавили тебя от необходимости с ними знако-

миться. А что касается любви, – из голоса исчезает металл и появляются ласковые нотки, – она придет обязательно, кого бы ты ни выбрала. Не сейчас, так после танца. Даже не сомневайся. Такова уж наша физиология.

Сраженная ее словами, я и не замечаю, как успокаиваюсь. И на мокрый платок в руке смотрю с недоумением. Действительно, было бы из-за чего расстраиваться! Ведь есть тот, кто мне симпатичен. Даже двое. Одного из них одобряют мои родители. Ну и какие проблемы? Да никаких.

– Я поняла, – киваю и признаюсь: – Мне на самом деле Тогрис нравится.

– Вот и замечательно! – с облегчением вздыхает мама, поднимаясь на ноги. Убирает за ухо желтую прядку, выбившуюся из прически, и расправляет юбку. В отличие от меня, она ко сну еще не готова, даже пришла в нарядном платье, в котором на празднике была. – Тогда ложись спать. На официальное объявление утром тебе приходиться не обязательно, но с кавалером общаться придется весь день. Он имеет на это право.

– А как общаться-то? – торопливо спрашиваю, потому что родительница готова уже уйти из комнаты, оставив меня на попечение Вари. В итоге она останавливается, хотя видно, что задержка ей не нравится.

– Ну как, как... – задумывается, однако от прямого ответа воздерживается. – Ты поменьше об этом думай. Доверься жениху. Цу'лЗар взрослый мужчина, ему, насколько я знаю,

около шестидесяти, и точно не нужно объяснять, как завоевать сердце девушки.

Совет меня совершенно не устраивает. Однако мама исчезает за дверью, а потому я сердито складываю руки на груди и смотрю на фрейлину.

– Нормально, а? Можно подумать, я совсем... – осекаюсь, не договорив, потому что меня осеняет идея: – Вария, давай-ка ты мне расскажешь, как Ваймон тебя зацепил.

Похоже, просьба девушку пугает. Она меняется в лице, ошарашенно выдыхая:

– Вас же никогда это не интересовало...

– А теперь интересуется!

Сдаваться я не собираюсь, а потому хватаю ее за руку, заставляя сесть рядом. И даже одеялом делюсь, набрасывая фрейлине на плечи, чтобы чувствовала себя уютнее и побыстрее во всем призналась.

Уловка срабатывает – я получаю немало пищи для размышлений, даже несмотря на то, что большая часть информации мне уже известна. Например, я прекрасно знаю, что Вария, как и другие, подходящие по возрасту дочери знатных семей Виона, прошла отбор на право стать фрейлиной. Она должна была показать умение принимать верные решения, способность контролировать себя, покладистость, рассудительность, тактичность, знание этикета... Для пятнадцатилетней девочки требования более чем серьезные. А вот о том, что часть испытаний Ваймон контролировал лично

и, соответственно, судил, насколько успешно претендентка с ними справилась, я не знала.

– И вот однажды нас отвезли в дальнюю часть парка, сказав, что мы должны самостоятельно вернуться во дворец. И заставили выпить какую-то горькую жидкость. Это была проверка способностей к нейтрализации ядов. Те, кто испытание задумывал, хотели убедиться, что фрейлина в случае отравления быстро придет в себя и не оставит наследницу без присмотра. Ваймон единственный, кто шел с нами. Нам тогда всем было очень плохо. Я шла последней, думала, не дойду. В глазах темнело, дыхания не хватало, ноги слабели. В какой-то момент я на мгновение потеряла сознание и упала бы, но ваш брат меня поддержал. Заставил отдохнуть, прежде чем идти дальше. Я была поражена. До этого, когда мы выполняли задания, он мне казался серьезным, неприступным, жестким. Бесстрастно наблюдал, словно мы ему безразличны. А тут такое...

Понятно. Приятное удивление, чувство благодарности за оказанную помощь, положительные эмоции, да еще и с непосредственным физическим контактом – самые благоприятные условия для развития влечения у девушки. Вопрос в другом: почему брат проявил неосмотрительность и подобное допустил? Знал же, что сбить такую привязку не сможет, пока девушка не станет совершеннолетней. И все равно не остановился. Мало того, еще и именно этой девушке предпочтение отдал, когда принималось окончательное решение

по итогам отбора.

– Нас четверо осталось, кто дошел до финала. У меня результаты были не самые лучшие, и ваша мама готова была выбрать другую претендентку, но Ваймон сказал «нет». И показал на меня.

Вот! Я так и знала, что причина у братца имелась! Ему нужна была... Кто? Сама Вария? Или ее привязка?

– Когда отбор завершился, Ваймон продолжал со мной встречаться. Учил ориентироваться во дворце и в парке. О вас рассказывал, чтобы мне проще было найти с вами контакт. Морально поддерживал, особенно когда вы меня прогоняли и запрещали возвращаться...

Упрек, пусть и скрытый, но справедливый. Мне в то время было тринадцать и, насколько помню, я была увлечена биологией ик'лы. Сутками напролет не вылезала из королевского инкубатора. Потому появление рядом наперсницы лишь отметила как факт. Причем очень раздражающий – ведь теперь совершенно посторонняя девица постоянно находилась рядом. А мне и наставниц более чем хватало. Потому я и злилась на девушку, которая, по сути, ни в чем не была виновата.

– Постепенно я поняла, что без Ваймона чувствую себя некомфортно. Мне хочется, чтобы он был рядом. В душе все переворачивается от его взглядов, прикосновений, самых простых знаков внимания...

Это я тоже знаю – картинку любовных переживаний со-

зерцаю регулярно, особенно когда брат находится в зоне видимости. А появляется он ежедневно, поскольку его обязанность присматривать за мной. Другой вопрос, что Ваймон весьма своеобразно подошел к организации этого самого «присмотра». Возможно, полагал, что, если у фрейлины будет к нему влечение, она меня никогда не предаст?

Теперь любопытство относительно мотивов брата гложет куда сильнее, чем предстоящее общение с женихом. Таков уж у меня характер – живу себе спокойно, пока в голову не придет какая-нибудь «гениальная» идея. Лишит покоя, сна и возможности думать о чем-то ином. И успокоюсь, лишь получив желаемое.

Вот и сейчас, как ни стараюсь я забыть о родившихся вопросах, ничего у меня не получается. Нетерпение бурлит, заставляя вертеться в кровати, не находя удобного положения. Накатывает жаркими волнами и погружает в холодные потоки, вынуждая то раскрываться, то забираться под одеяло в попытках согреться. Спазмом сжимает мышцы живота, словно я в комнате гигиены не меньше суток не была.

Туда и отправляюсь, стараясь не шуметь и не разбудить спящую на соседней кровати Варию.

Постоянное присутствие рядом наперсницы, даже ночью, – еще одна традиция, которую ввели, чтобы не допустить тесного общения с мужским контингентом дворца. Правило не оставлять наследницу одну – своеобразная страховка от появления случайной привязки. Совершенно бес-

смысленная, на мой взгляд. Во-первых, до достижения пятнадцати лет ни о каком влечении и речи быть не может. Во-вторых, уйти из спальни я могу и не через главную дверь. Есть проход для прислуги, он находится в столовой, а в нее ведет дверь из туалетной комнаты. Я этим «черным ходом» всего один раз воспользовалась, лет в десять, когда мне вдруг захотелось погулять ночью по дворцу. Больше не было необходимости. До сегодняшнего дня...

Стоп! А разве сейчас она есть? Ловлю себя на том, что уже пригибаюсь, пробираясь через невысокий проем в темноту подсобного коридора. Впрочем, колебания мои исчезают так же быстро, как закрывается дверь за спиной. Если подсознательно меня тянет поговорить с Ваймоном, значит, так нужно.

Глаза быстро перестраиваются на ночное зрение, и я без особых проблем шагаю по неосвещенному коридору, отыскивая дверь в столовую брата. О том, как будет выглядеть мое появление среди ночи, да еще и столь экстравагантным способом, стараюсь не думать. Брат у меня адекватный. Строгий, но не импульсивный. То есть не станет с ходу возмущаться и ругать. Сначала подумает и найдет моему поступку логическое объяснение.

И все же, прежде чем войти, лишь слегка приоткрываю дверь и прислушиваюсь. Разумеется, не время ужина, но Ваймон мог зайти, чтобы выпить сок, а видеть, как он это делает, мне не хочется. Я все же девушка приличная.

Убедившись, что в столовой никого нет, уже без опаски шагаю на мягкое, приглушающее шаги покрытие и аккуратно огибаю стол. Здесь не так темно – тонкая полоска неяркого голубоватого света пробивается из-за неплотно притворенной двери. Брат еще не спит. Читает, возможно. Или же новости просматривает...

– Главное, что девочка определилась, – неожиданно громко звучит женский голос, и я замираю, поняв, что Ваймон в спальне не один. Мало того, в компании с тем, то есть той, от которой я точно получу взбучку по полной программе и со всеми вытекающими последствиями, если окажусь застигнутой на месте преступления. Мне же одной по дворцу гулять нельзя, для того и существует наперсница.

Подстегиваемая этими соображениями, я тактически отступаю, однако, нащупав рукой столешницу, останавливаюсь. Чего перепугалась, спрашивается? Мама же не пойдет в столовую брата, у нее своя имеется. Значит, я в безопасности. А потому могу себе позволить незримо присутствовать при разговоре. Тем более говорят-то обо мне! Главное, потом тихо уйти и себя не выдать.

– Хорошо, я понял, – доносится до меня приятный мужской голос. – Прослежу.

– Варию держи при себе, далеко не отпускай, – продолжает мама. – Пусть будет рядом, для страховки. Мы же не можем предсказать, как поведет себя Тогрис, вдруг девочке поддержка понадобится.

– Ладно. А с Ларилиной как быть? Я не рассчитывал, что она здесь появится. Мне сложно, когда приходится разделять внимание.

– А что ты хотел? – вздыхает родительница. – Девушка спит и видит тебя в своей постели. Она уже совершеннолетняя, ей сложно сдерживаться и жить вдаль от тебя. Может, ты все же изменишь свое решение? Выберешь себе подходящую по возрасту фаворитку и женишься...

– Нет, – категорически отрезает брат. – Я уже выбрал. Ты знаешь кого.

– Знаю. А еще я знаю, что Вария не в курсе, кем для тебя станет в будущем. И не удивлюсь, если в конечном итоге Ларилина не выдержит и обвинит ее виновницей твоей холостности.

– Да, я Варию люблю! – В голосе Ваймона появляются сердитые интонации. – И не виноват, что мое сердце не готово разделить эту любовь на двоих. А Ларилина... Пусть радуется тому, что хотя бы мой разум принимает ее как возможную жену, и ждет свадьбы Идилинны. Когда Вария освободится от обязанностей фрейлины, тогда и я женюсь.

– Дорогой мой, еще семь лет без женщины... Ты уверен, что выдержишь?

– Мама! – возмущенно, впрочем, весьма сдавленно восклицает брат. – Я взрослый мужчина и...

– Взрослый, взрослый, – успокаивающе мягко перебивает его родительница. – Потому я и переживаю. И де'вРон за

дочь беспокоится.

– Его что-то не устраивает? – не успокаивается Ваймон. – Пусть мне об этом скажет. Я же не против сбить привязку. И не моя вина, что родителям Ларилины хочется видеть дочь королевой Виона, а вы с отцом их в этом желании поддерживаете.

– Род де'Вронов после рода ди'Донов самый древний и уважаемый на Вионе! – нравоучительно и строго парирует мама. – Потому твой папа и передал Грану статус вице-короля. Настраивать его против себя не самый хороший вариант, не находишь? Тем более отец Варии всего лишь губернатор Жеольской провинции, много ли он может дать тебе как будущему королю, которому нужна поддержка общественного мнения и круг преданных влиятельных приближенных?

В комнате воцаряется напряженное молчание, и я прихожу в себя, неслышно отступая обратно к столу – не заметила в увлеченности, как подошла к самой двери.

Вот так ситуация... Не думала, что все настолько сложно и серьезно.

Не думала? А о чем я вообще все это время думала? Жила себе спокойно, воспринимая окружающих и близких как нормальный, привычный фон. Родители, брат, придворные, наставницы, девчонки-подружки, фрейлина... Они сами по себе и рядом лишь тогда, когда у меня в них есть необходимость, но чаще всего и я сама по себе. А теперь, оказывается, не вникала я в их взаимоотношения совершенно напрасно.

Вон сколько интересного пропустила!

– Я не отказываюсь от своих обязательств. – Голос брата звучит хрипло и устало. Определенно не первый раз у них заходит разговор на эту тему. – Но и от Варии не откажусь.

– Знаю, милый. Ни один мужчина не захочет терять любимую женщину. – В интонациях родительницы тоже нет ни оптимизма, ни удовлетворения уступчивостью сына. – Я завтра поговорю с Ларилиной, попробую убедить ее не давить на тебя. Но обещать ничего не могу, сам понимаешь. Она ведь влюблена, ей на самом деле трудно.

– Спасибо.

Ответ сдержанный, лаконичный. За ним следует тяжелый вздох, шорох, звук, кажется, поцелуя в лоб... Мама выходит из комнаты, потому что слышен щелчок замка. Я же замираю, решая, как поступить мне: тоже уйти или выйти к брату и откровенно поговорить?

– Дихол!

Раздраженное восклицание, резкий удар, от которого я вздрагиваю, невольно подсакивая к двери и заглядывая в щель.

Ваймон лежит ничком на кровати. Стул с погнутой ножкой валяется на полу. А на матовом темно-синем покрытии стены вмятина...

Нет уж, сейчас к брату лучше не соваться. Иначе точно получу по полной программе.

Приняв решение, возвращаюсь к себе. Вария спит,

уткнувшись лицом в подушку. Тонкая рука пальцами касается пола, и я не удерживаюсь – поднимаю ее и укладываю удобнее.

– Вай... – едва слышно всхлипывает девушка.

– Спи-спи, – успокаивающе шепчу в ответ.

Забираясь в кровать, вздыхаю при мысли, что совсем иначе воспринимаю все, что происходит рядом. То, что мне предстоит завтра. И то, что ожидает меня в будущем.

Как же сильно может изменить сознание простое любопытство, помноженное на переходный возраст...

Все дела твои забрось, ждет внимания твой...

Гость.

– Я счастлив.

Приятный глубокий голос окутывает ласкающими интонациями. Зачаровывает, заставляя прислушиваться только к нему, ощущать лишь приятное тепло ладоней, согревающих мои руки, и трепетать в груди неведомые струны.

– Я счастлив, что вы оказали мне честь назвать вас в будущем своей невестой... Идилинна.

Совсем маленькая пауза перед именем, почти незаметная заминка, однако ее оказывается достаточно, чтобы настороженность, которая со вчерашнего дня накрепко угнездилась в моей голове, немедленно разогнала все очарование момента и сосредоточилась на подозрительном факте.

– Вам не нравится мое имя?

– Что?

Сидящий рядом со мной на скамье мужчина изумленно смотрит, не понимая вопроса. То ли я плохо его сформулировала, то ли это он от неожиданности.

– Вы не сразу имя назвали, – поясняю, осторожно высвобождая пальцы из захвата.

– Ах вот в чем дело... – с явным облегчением выдыхает Тогрис. Улыбка возвращается на его губы, а мою руку он весьма ловко ловит, возвращая в плен своих ладоней. – Это потому, что на Томлине не принято обращаться к девушке напрямую по имени, если она не принадлежит к кругу семьи.

– А как принято?

Заинтригованная, жду ответа и получаю неожиданное:

– С указанием статуса, фисса Идилинна.

Фисса? Надо же, какая любопытная традиция. Хотя чему я удивляюсь? Уникальные, как и способности жителей, традиции имеются на каждой планете. Постепенно они распространяются и принимаются, становясь привычными для всех, кто входит в состав империи. Особенно быстро это происходит, когда планета становится столицей, а ее король или его сын – императором.

– А к мужчинам как обращаться? Фис?

– Почти, – смеется томлинец. Ему нравится моя сообразительность и непосредственность. – Если у мужчины нет династического статуса, тогда фист, если же есть, то ферт.

– Значит, я вас должна звать ферт Тогрис?

– Верно. Вот только... – Он снова берет паузу, на этот раз несомненно намеренную, чтобы заинтриговать меня сильнее. – Еще пять минут назад я был в этом уверен, а теперь сомневаюсь.

– Почему?

– У вас очень красивый голос. Певучий и звонкий одновременно. И мое имя звучит так... притягательно. Я готов даже забыть о статусе, лишь бы слышать его из ваших уст.

– А вы не слишком торопитесь? – Теперь уже я смеюсь, потому что поведение мужчины и его слова кажутся мне невероятно забавными.

– Ничуть, – не смущается томлинец. Скорее наоборот, становится смелее и придвигается ближе, склоняясь к моему виску. – Скажу по секрету, – объясняет-таки свои действия, – мне даже кажется, что я непростительно медлителен. Идилинна, вы безумно привлекательная девушка. Во всех смыслах.

– Ага, – скептически хмыкнув, я отодвигаюсь на прежнюю дистанцию, – особенно в смысле моего статуса наследницы.

– Да при чем тут это? – восклицает Тогрис, изумляясь моей непонятливости. – Неужели ваши зеркала не отражают реальности? Или же вы не хотите ее видеть, потому что... – Он задумывается и приходит к выводу: –...еще очень молоды.

– Вот в этом вы правы, слишком молода, – преувеличенно серьезно киваю, соглашаясь. И тут же меняю тактику. – Ой, нет, не правы! Не могу я быть привлекательна *во всех* смыс-

лах. Один из них мне точно еще недоступен.

Заявление вводит мужчину в ступор. Он даже руку мою выпускает и смотрит в недоумении, стараясь разобраться. Его глаза с желто-рыжим ободком радужки, которая на свету кажется необычайно прозрачной и чистой, прицельно скользят по мне, изучая кончики лакированных белых туфель, воздушную ткань многослойной юбки цвета грозового неба, ажурный бледно-голубой корсаж, открытые плечи... Поднимаются выше, следуя за темно-синей волной распущенных волос, на несколько секунд замирают на губах... Наконец снова приходят в движение, встречаясь со мной взглядом. Растерянным.

– Возможно, я дорада, но... Что вы имели в виду? Это намек на неискушенность и невозможность близких отношений? Но тут и без уточнений понятно, что все это не может рассматриваться по отношению к вам как привлекающий мужчин фактор.

– Это только вы так полагаете.

Перед глазами вновь встает разочарованное лицо истребителя, и мое настроение как-то резко меняется. В худшую сторону. Не то гнев, не то просто возмущение рокочет в глубине души, не желая утихомириваться.

– Идилинна... Кто же так плохо повлиял на вашу самооценку?

Моя рука вновь оказывается в теплых ладонях томлинца, а в его голосе появляются нотки заботы и участия, посте-

пенно сменяющиеся раздражением, направленным на того, кто посмел меня обидеть. И, кстати, Тогрис проявляет удивительную догадливость, высказывая предположение:

– Ро’дИас?

Я лишь плечом дергаю, не в силах определиться, чего мне хочется больше: подтвердить проявленную исгреанином бестактность или же ее скрыть. Однако это не мешает мужчине понять все правильно.

– Вам не стоит принимать так близко к сердцу его мнение. Если только...

Он резко замолкает, а глаза темнеют, становясь почти карими. Теперь в их глубине плещется что-то непонятное, злое. Мой отец однажды так же смотрел на шенорианского посла, когда тот осыпал маму комплиментами. На следующий день этого империанина в составе делегации уже не было. Это ревность?

– Если что? – Смущенная и заинтригованная, я все же подталкиваю Тогрису к продолжению, и он вынужденно, но заканчивает:

– Если только вы не считаете его достойным статуса императора и вашего мужа.

– Не считаю.

Взмахом свободной руки я отметаю в сторону все, что более для меня несущественно. Вот если бы исгреанин симпатию проявил, тогда можно было бы сожалеть. А так...

– Ферг Тогрис, а почему вы сказали «дорада»? – вспоми-

наю, с чего, по сути, начался разговор.

– Потому что это самое глупое существо на Томлине.

– И на Вионе, – добавляю я.

– Неужели они и у вас обитают? – удивляется Тогрис. –

Вот уж не думал.

– Не только у нас. Они и на Цессе живут, и на Ле, и на Ипере, и еще на нескольких планетах. Правда, внешне все же чуток разнятся, но по отсутствию ума и крайне низкой осторожности ничем не отличаются. И называют их везде одинаково.

– Как любопытно.

Взгляд томлинца скользит по веткам и листьям кустарника, наверняка пытаюсь отыскать хоть одну дораду. Вот только нет их в королевском парке по очень простой причине: они быстро размножаются, но столь же быстро и гибнут из-за собственной неосторожности. А кому приятно находить маленькие пушистые трупки везде, куда они смогли забраться, чтобы самоубиться? Правильно. Никому. Вот садовники и следят, чтобы они здесь не селились.

– Расскажите мне о ящерах, – решаю, что тема самая благоприятная, чтобы как можно дальше уйти от обсуждения личностей. – Как вы их называете?

– Краги, – с готовностью выполняет мою просьбу Тогрис. – Массивные, рогатые, четвероногие, с покрытой роговыми пластинами кожей и с мускулистым хвостом. В дикой природе они в подземных пещерах живут, там, где много

томлитонита. Это кристалл, который создает своеобразное поле, защищая от радиации. А чтобы обезопасить ручных крагов, мы им надеваем ошейники с этим камнем.

– Мне тоже ошейник носить придется? Или защитный комбинезон? – Неожиданно его слова наталкивают меня на мысль о малоприятной перспективе. Это только томлинцам высокий уровень радиации на их планете вреда не причиняет, потому что расовые способности у жителей соответствующие. А всех остальных убьет за считанные часы.

– Не думаю, что это потребуется. Мы обязательно найдем более удобный и красивый вариант. Вы же очень маленькая, миниатюрная по сравнению с крагами. Так что будет достаточно изящного гарнитура для постоянного ношения – браслета и цепочки с подвеской из томлитонита. Он бывает разных желтых оттенков и будет изумительно сочетаться с цветом ваших волос и глаз, – почему-то невероятно ласково, практически мечтательно продолжает мужчина, в то время как подушечки пальцев томительно медленно скользят по голой коже плеча. – Вы станете настоящим сокровищем на Томлине. Мы очень ценим яркие цвета, которых так мало на нашей планете.

Ну вот. Кому-то мой облик не нравится, а для кого-то желанен и ценен.

Стоп! Опять я об исгреанине думаю?! Да что же такое? Почему он в мою голову упорно лезет? Это то самое влечение, о котором твердит мама? Или что-то иное? Например...

ну не знаю. Обида и желание доказать, как сильно он ошибся.

– Я снова сказал что-то не то? – реагирует на мое молчание Тогрис. Смотрит на свою руку, которая замерла, прекратив движение, и спрашивает: – Или вам неприятно?

– Нет, что вы, ничего неприятного, – успокаиваю томлинца. Ведь на самом деле совершенно спокойно его действия воспринимаю. Без энтузиазма, конечно, но и без отторжения. – Просто сидеть устала. Давайте погуляем? Я вам парк покажу.

Предложение получается удачным. В том смысле, что движение куда больше способствует продуктивному разговору, не позволяя посторонним мыслям надолго поселиться в голове. Лишь иногда мелькнет что-то отвлекающее и исчезнет, стертое новыми впечатлениями: теплым сильным ветром, путающим волосы и забрасывающим юбку на ветки кустов; руками томлинца, помогающими мне освободиться; веселым смехом мужчины, в ладонях которого впервые оказался ласковый зеленый шарик – молоденький ик'лы.

– Вы можете взять его с собой на Томлин, – предлагаю, видя, с какой заинтересованностью Тогрис смотрит, как малыш то липнет к коже, распластываясь в плоский блинчик, то превращается в упругий мячик, катаясь по ладони, то сворачивается в толстую нить, стараясь уползти под одежду.

– А он у меня выживет? – проявляет сомнение мужчина. – Я ведь не знаю, ни как за ним ухаживать, ни как кормить.

– Не волнуйтесь, это совсем просто. Ваш питомец зеле-

ный, значит, обладает фотосинтезом. Ему, кроме воды, воздуха и света, ничего больше и не нужно. Вот с синим было бы больше проблем – они хищники. А красные питаются растениями. Хотите красного? – спрашиваю, потому что томлинец задумался.

– Нет, нет, меня цвет устраивает. Я думаю, как его от радиации защитить.

– Скормите ему малюсенький кусочек томлитонита. Переварить его он не сможет, но и вывести наружу тоже.

– Здорово! – восхищается моей находчивостью Тогрис, однако почему-то снова колеблется. – Но он ведь будет скучать. И ему, наверное, пара нужна.

– Одиночество ик'лы неплохо переносят, если рядом есть хозяин. Пара малышу понадобится через год-два, и тогда, конечно, важно, чтобы он оказался в стае. Правда, на этом его жизнь закончится, а вам, если захотите, достанется его детеныш. Вы ведь будете прилетать на Вион? Или я вас теперь увижу только перед свадьбой?

Вопрос животрепещущий. Мне как-то не хочется выходить замуж, не полюбив будущего мужа. И вообще, за десять лет я забуду, как он выглядит!

– Конечно, я буду приезжать. Постараюсь делать это как можно чаще. Я ведь не занят управлением планетой, лишь помогаю своему отцу, а он, несомненно, поймет мое желание проводить как можно больше времени на Вионе. С вами, Идилинна.

Хоть и приятно звучит последнее заявление, но в его реализации я сомневаюсь.

– Боюсь, что последнее не верно. Сняв с себя задачу управления Томлином, вы будете вынуждены вникать в вопросы управления Объединенными территориями. Мой отец стопроцентно воспользуется вашим присутствием, чтобы передать вам свой опыт. Так что времени на личное общение у нас останется немного.

– Согласен. Но даже это лучше, чем ничего. Верно?

Не дожидаясь ответа, Тогрис неожиданно останавливается и разворачивается, преграждая мне путь. Опускается на одно колено, удерживая в своих ладонях мои пальцы. Смотрит в глаза, не опуская взгляда.

– Идилинна, я ведь вижу, как вы далеки от симпатии ко мне. Да, вы молоды, но причина не в этом, а в том, что я, по всей видимости, оказался непривлекателен для вашего организма. И все же, несмотря на равнодушие, вы меня не отталкиваете, идете навстречу, оставляете шанс. У меня не хватает слов, чтобы высказать вам свою признательность. Как же я рад, что у нас еще много времени, чтобы узнать друг друга. Чтобы полюбить. Я сделаю все, чтобы вы чувствовали себя счастливой. И уже сейчас уверен, что буду любить вас всю жизнь, моя фисса.

Его губы нежно касаются кожи на запястье и...

И сердце, глупое сердце, которое все это время билось через раз, словно тоже слушало и боялось пропустить хоть сло-

во, пускается вскачь. По телу прокатывается жаркая волна, будто меня опустили в кипяток. В глазах темнеет. Ох...

Для всех родителей на свете важней всего их...

Дети.

– Лина, доченька! Не пугай нас так, малышка... Лина!

Мамин голос, настойчивый и взволнованный, врывается в сознание, и я даже не сразу понимаю – что случилось? Почему она так переживает? И лишь когда слышу расстроенное «никак в себя не приходит», вспоминаю – я же сознание потеряла!

Подскакиваю. Вернее, сажусь. Во-первых, потому что лежу на диване в лазурной гостиной дворца. Во-вторых, у родительницы, которая сидит рядом, свои планы – она тут же обнимает, не позволяя вскочить на ноги.

– Ну вот, замечательно... Фух... – с облегчением выдохнув и прижав к себе, мама гладит меня по волосам. Впрочем, длится проявление заботы совсем недолго. Как обычно, едва убедившись, что мне больше ничего не грозит, родительница отстраняется. словно большая степень опеки кажется ей излишней.

– Вария! От Лины ни на шаг! – непререкаемо приказывает, поднимаясь и направляясь на выход из гостиной.

Моя фрейлина, которую я не видела, потому что та стояла сзади, опускается на сиденье в моих ногах.

– Как я тут оказалась? – не удерживаюсь от вопроса, едва

родительница исчезает за дверь.

– Вам плохо стало. Цу'лЗар вас сюда принес.

– На руках?

– Да. Ваймон попытался вас забрать, но не сумел. Видели бы вы, как принц на него посмотрел.

– Как?

Вместо ответа Вария сердито сдвигает синие брови к переносице и грозно прищуривается. Да уж. Словами это передать на самом деле сложно. Больше похоже на «Мое! Не смей!»

Пантомима меня забавляет, и я хихикаю, представляя, как бедный Ваймон ошалел от подобного безмолвного заявления. Еще никто и никогда такого себе не позволял. Поэтому, наверное, брат и отступился.

– Ясно. А где... – замолкаю, прислушиваясь, потому что за неплотно прикрытой дверью точно идет еще один разговор.

– ...не имел права так поступать! Литт, ты должен с ним разобраться!

– Майри, хватит, – мягко просит папа. Ведь это ему мама претензии предъявляет. – Имел, не имел... Нельзя рассуждать так категорично. Ситуация нестандартная.

– Да что ж тут нестандартного? – не сдается родительница. – Ведь все просто! Даже поцелуй руки требует согласия девушки. А Тогрис его не просил.

– У него было ее согласие, – терпеливо объясняет отец. –

Потому что выбор Лина сделала.

– Косвенное согласие. Она же несовершеннолетняя!

– Майри, прекрати. Отношения Лины и цу'лЗара – это исключение из принятых правил. Да, девочка несовершеннолетняя, значит, невестой быть не может, но по факту сделанного выбора она ею стала.

– Пусть так. Но целовать-то зачем? – В голосе родительницы появляются плаксивые нотки. Поняв, что проигрывает, она сменила тактику. А вот папа остался так же спокоен, как и был.

– Чтобы организм Лины определился. После спровоцированного поцелуем гормонального всплеска уже не останется сомнений – появится к Тогрису влечение или нет.

– Хочешь сказать, он решил рискнуть? Вместо того чтобы просто подождать свадебного танца?

– А вдруг за эти годы, на фоне отсутствия влечения к будущему жениху, у нее возникла бы привязка к другому? И этот другой отказался бы ее сбивать? Потребовал титул императора? И при этом оказался еще и недостойным кандидатом?.. Майри, – ласково убеждает папа, – я считаю, что Тогрис поступил правильно. Если сейчас организм Лины его отвергнет, мы просто организуем еще одну встречу и пригласим больше принцев. Если же примет, то у нас не останется причин для переживаний. Мы будем спокойны и за судьбу нашей дочери и за будущее империи.

– Ты, похоже, уже сейчас спокоен, – раздражение в голо-

се мамы не снижается, – раз считаешь нормальным, что Тогрис довел Лину до обморока. И состояние дочери тебя не волнует...

– По-твоему, я просто так сюда пришел?!

О! Впервые слышу, как родители разговаривают на повышенных тонах. То ли мне просто везло, то ли на самом деле они первый раз ссорятся. А я причиной конфликта быть не хочу. Поэтому, когда дверь наконец распахивается и папа, шагнув в гостиную, с беспокойством смотрит на меня, весело отвечаю, опережая вопрос:

– Я себя прекрасно чувствую!

– Подслушивала? – Отец подходит ближе, чтобы погладить по голове и присесть на диван, с которого при появлении императора весьма споро вскочила Вария.

– Вы очень громко все обсуждали. И проем был... приоткрыт.

Бросив укоризненный взгляд на замершую у входа маленькую желтоволосую фигурку в темно-синем бархатном платье, старательно сохраняющую на лице невозмутимое и не самое довольное выражение, папа вновь смотрит на меня.

– Готова его увидеть? Или отложим выяснение? Можешь вообще отказаться от встречи, если чувствуешь, что он теперь тебе неприятен.

О ком речь, не уточняет. Потому что и так понятно, что о Тогрисе.

– Неприятен? – переспрашиваю и задумываюсь. Пред-

ставляю образ томлинца, вспоминаю наш разговор, его прикосновение, охватившее меня волнение... Оно и сейчас рождается в груди, учащая дыхание и прокатываясь мурашками по коже. – Пожалуй, нет. Я на него не злюсь и не хочу, чтобы он исчез и больше в моей жизни не появлялся.

– Хорошо. Тогда... – Отец, надавив на запястье, включает коммуникатор. – Ваймон, мы вас ждем.

Вновь погладив меня по голове, он поднимается, смотрит на Варию, и фрейлина немедленно бросается ко мне, помогая встать и привести в порядок одежду. Она даже прическу успевает поправить, прежде чем в комнате появляются мужчины. Я же хоть и волнуюсь, но, едва вижу шагнувшего ко мне Тогриса, успокаиваюсь. Нет, не ошиблась. Мне на самом деле приятно его присутствие.

– Прошу простить меня, фисса Идилинна, – извиняется он, останавливаясь в двух шагах от меня. – И благодарю за еще один шанс.

– Это я должна просить прощения, ферт, – поощряя принца, даже новое слово использую. – Раньше я не отличалась столь высокой чувствительностью, так что я сама не ожидала от себя такой реакции. И спасибо, что мне помогли.

Протягиваю руку и, чувствуя сильное, уверенное пожатие, от которого на душе становится так хорошо, с улыбкой разворачиваюсь к родителям.

– Мы можем погулять еще немного? Или это недопустимо?

– Гуляйте, – с отчетливо заметной обреченностью разрешает мама. Папа лишь молча кивает. Однако я уверена, что он доволен.

Не боясь испачкать ноги, мы шагаем по...

Дороге.

– Сегодня я не нравлюсь вашей маме, – констатирует Тогрис, когда дворец оказывается позади и мы вновь углубляемся в парк. – Вчера вроде нравился...

– Мама вообще очень противоречива. У нее настроение и убеждения меняются мгновенно, стоит лишь измениться обстоятельствам. Ее возмутили ваши действия, поэтому про все хорошее она сразу забыла. Не переживайте. Вспомнит.

– Или же мне придется искать способ реабилитироваться, – вполне резонно замечает мужчина. – Идилинна, а вы на самом деле на меня не обижены?

Обижена? Я? Даже останавливаюсь, с удивлением глядя на ожидающего моего ответа томлинца. В глазах тревога, поза напряженная, дыхание беспокойное. Вот ведь как переживает! И этого не скрывает. Не думала, что мужчины так поступают. Ваймон, например, ни за что не признается в том, что происходит в его душе. Сегодня утром, по крайней мере, на лице брата не было никаких следов вчерашних душевных терзаний, столь явно проявившихся ночью. И в присутствии Варии он вел себя совершенно спокойно.

– Хотите знать, что я чувствую? – спрашиваю. Стараясь

сделать это незаметно, сжимаю ткань длинной юбки, присобирая ее и, едва Тогрис кивает, провоцирующе останавливаясь перед каждым словом, предупреждаю: – Тогда... сначала... вам... придется... меня... догнать!

Последнее говорю быстро и, взвизгнув, стремглав бросаюсь прочь по дорожке, ведущей к побережью.

– Идилинна, стойте! – слышу изумленное восклицание, но выполнять просьбу не собираюсь. Вот еще! Хватит с меня этих... «взрослостей»!

Кстати, бегают Тогрис неплохо. Он даже ухитряется со мной поравняться до того, как оказываемся на площадке, где вчера я в компании с Варией коротала время в ожидании, когда нас позовут на церемонию.

Еще некоторое время у меня получается ловко маневрировать, ускользя от рук пытающегося меня поймать томлинца. В итоге ему все же удается перехватить меня за талию и оторвать от земли. А все почему? Да потому, что веселюсь я много. Очень уж забавное развлечение выходит. Играть в догонялки с фрейлиной не так интересно, а Ваймон до этого вообще не опускается.

– Идилинна, какой же вы еще ребенок! – смеется Тогрис, пытаюсь удержать брыкающуюся и хохочущую меня. – Сколько же в вас энергии!

– Фух! – выдыхаю я с облегчением, прекращая игру. – Наконец-то поняли.

– Понял, конечно, – все еще тяжело дыша, подтверждает

мужчина. – Обещаю больше не задавать серьезных вопросов. Разумеется, до тех пор, пока вы не станете для этого достаточно взрослой.

– Отлично! – радуюсь, обвивая руками шею томлинца, и лишь после этого обращаю внимание, что он меня не просто поймал, но еще и на руки поднял.

Удивляюсь, само собой. А еще болтаю ногами в воздухе, убеждаясь, что юбка их все же закрывает, а не задралась до колен.

– Поставить вас на землю? – тут же спохватывается, становясь серьезным, Тогрис.

Ну вот, опять он за свое!

– Не надо. Лучше до мыса донесите, там скамейки есть, можно будет посидеть. Я устала.

Указав рукой направление, демонстративно укладываю голову на широкое мужское плечо. Вернее, на плотную наплечную вставку пиджака. А дальше мне остается лишь получать удовольствие от легкости, с которой томлинец меня несет, шагая по каменистой дороге.

Какой, оказывается, удобный способ дойти до нужного места... Надо будет почаще его использовать.

Тогрису, похоже, процесс тоже нравится. Скованность его движений исчезает, а когда оказываемся на смотровой площадке и меня аккуратно опускают на упругую поверхность скамьи, рука мужчины продолжает обнимать за талию. Если бы его что-то не устраивало, он ведь просто бы отстранился.

По крайней мере, мне так кажется.

– Здесь очень красиво. – Томлинец с явным восхищением рассматривает лазурное небо, накатывающие на побережье волны и летающих над ними ворков. – Вам повезло, фисса, родиться на такой прекрасной планете. Томлин с ней вряд ли сравнится.

– А я читала и в фильмах обучающих видела, что у вас там тоже много красивых мест. Подземные озера и моря, песчаные дюны, шахты, – парирую, потому что мне не нравится, как Тогрис отзывается о своей родной планете. Да он первый должен встать на ее защиту! Она для него должна быть самой лучшей.

– Это другая красота, – объясняет мой собеседник. – Су-ровая, аскетичная. А Вион мягкий, ласковый.

– Отличный контраст! – смеюсь я. – Меня наставницы учили, что все познается в сравнении. Лишь так можно правильно оценить и понять все, что нас окружает. И я с огромным удовольствием побываю на Томлине, чтобы в этом лично убедиться. Кстати! – спохватываюсь, вспомнив, о чем хотела его попросить. – Как думаете, меня отпустят с вами? Хотя бы ненадолго! Вы можете папу об этом попросить? Или, чтобы увидеть вашу планету, мне придется ждать свадьбы?

– Вроде бы я не слышал о каких-то запретах, с этим связанных, – задумывается мужчина. – Если ваши родители согласятся, я с удовольствием организую для вас отдых и экскурсию по Томлину... Идилинна, а вы вообще летали в кос-

мос?

– Да... То есть нет. Когда мама была мной беременна, родители летали на Шенор. К бабушке Алли. А так все к нам прилетают.

– Почему *до* вашего рождения, а не *после*? – удивляется Тогрис. – Был какой-то особый повод?

– Можно и так сказать. Бабушка при смерти оказалась, потому что королевский дворец попал под сверхмощный метеоритный удар. Тогда многие пострадали.

Наступает молчание, которое завершается расстроенным:

– Простите. Я ведь знал об этом. Читал же в новостях о судьбе шенорской династии, а события и время почему-то не сопоставил. И невольно вам о трагедии напомнил.

«Почему-то»? Он так плохо умеет анализировать? Это не очень хорошо. Все же король, пусть и будущий, а уж тем более император, должен мыслить широко и быть прозорливым. Ладно хоть извинился. То есть честно признался. Значит, готов учиться и набираться опыта. Что же касается «напоминания», то тут моя мама куда больше переживает, а я ведь бабушку так и не увидела.

Не желая произносить все это вслух, я пожимаю плечами и принимаюсь постукивать носком туфельки о маленький камушек, выступающий из кладки на дорожке. Пять-шесть ударов, и он расшатывается. Откатывается вперед, а я прыгиваю со скамьи, чтобы его поднять. Подбежав к ограждению, с размаха бросаю трофей в воду, наблюдая, как он бес-

следно исчезает в волнах, а ворки, принявшие его за неосторожного ик'лы, кидаются следом.

– Попробуйте, – предлагаю мужчине, который, наверняка меня страхуя, уже стоит рядом.

Тогрис осматривается, видимо отыскивая свободно лежащие камни. Понятно, что дорожку портить ему не хочется, но тут, увы, вариантов нет. Либо портить, либо идти к дальнему краю площадки, где заканчивается окультуренная территория и начинается дикая смесь каменного крошева, выступов материнской породы и чахлой растительности, ухитрившейся за это все зацепиться. И ведь вот что удивительно – томлинец сразу на это место нацеливается.

– Кажется, там и камней больше и кидать их будет удобнее, – поясняет, протягивая руку, чтобы не позволить мне остаться. И хотя топтать в такую даль я желанием не горю, приходится это делать. Сама игру предложила. А то, что партнер действует не так, как мне хочется... Увы, но это по правилам. Потому как его ход.

– А зачем вообще бросать камни в воду? Это какой-то ритуал?

Молчать и идти в тишине, вернее под мерные удары волн о скалы и вопли ворков, мой спутник явно не намерен. С другой стороны, это правильно. Он налаживает контакт. И использует для этого все возможности.

– Нет, это просто развлечение. Вионцы его любят. Если вода спокойная, следить за падением очень интересно. То-

гда и брызги видны, особенно если камень большой, и круги, и даже воронки. Но это редко бывает. Такой величины булыжники поднять и бросить на большое расстояние, где глубина, сложно.

– Почему бы тогда на площадке не сделать запас маленьких камешков для тех, кто хочет развлечься? – не сдается Тогрис.

– Потому что сюда часто приходит моя мама, а для нее каждый летящий по воздуху неорганический объект ассоциируется с метеором, ударом, взрывом... На Шеноре, где она родилась и выросла, метеоритные дожди не прекращаются. Плюс трагедия с бабушкой... В общем, папа решил, что ее психологическое спокойствие ему важнее моего удовольствия.

– Боюсь, что я тоже не смогу вам его обеспечить, – расстраивается мужчина. – На Томлине больше песка, чем камней. Разве только в шахтах... Да и бросать что-то в подземные водоемы проблематично. Там... В общем, это не очень безопасно.

– Да? Там кто-то живет? – Мое воображение тут же рисует кровожадных монстров, у которых томлинцы втихую воруют воду, пока те спят.

– Нет, – куда более весело отвечает мой спутник. Мой энтузиазм заставил его забыть о начале разговора. – Просто дно у них непрочное, рыхлое, а под ним скапливаются газы. Так что, если нарушить спокойствие, вода станет мутной и

непригодной для питья, а воздух в пещере опасным для дыхания.

– Брр... – Я передергиваю плечами, представляя неприятную перспективу. Конечно, способность моего организма к нейтрализации ядов сохранит мне жизнь. Но отравление все равно будет сильным.

Тогрис больше к этой теме не возвращается. Помогает мне преодолеть небольшой подъем, взобраться на каменное поднятие, потом с него спуститься... Обогнув выступающую из общей массы скалу, мы очень скоро оказываемся на широком уступе, заваленном теми самыми булыжниками, ради которых сюда шли.

Теперь уже не испытывая сомнений, мужчина подбирает камни и, следуя моему примеру, осваивает новую для него забаву. Сначала кидает просто так, потом понимает, что от формы, веса снаряда, направления броска и его силы тоже очень много зависит. А потому тщательно изучает камни, прежде чем поднять, подкидывает на руке и ловит, оценивая, прицеливается и лишь затем отправляет в полет. И у него замечательно получается! Воронки, конечно, создать такими мелкими камешками сложно, но, например, срезать гребешки волн, если осколок оказывается плоским, – запросто.

– Здорово! – радостно восклицаю я и хлопаю в ладоши, подпрыгивая от возбуждения, едва очередной снаряд врежется в поднявшуюся волну и разбивает ее на мелкие брызги, разлетающиеся в стороны. – Ух! – округляю глаза, когда сле-

дом за первым в соседнюю волну попадает второй. Третий...

Не сразу, но все же понимаю, что бросил их вовсе не Тогрис. А когда оборачиваюсь, вижу тех, кто, видимо, обнаглев, решил без спроса к нам присоединиться. Один из них – красноволосый крепкий мужчина в розовой полурасстегнутой рубашке с небрежно закатанными до локтей рукавами и бордовых брюках, заправленных за кроваво-красные высокие голенища сапог. Второй – куда более тонкий цессянин, в элегантном, расшитом лазурной нитью белоснежном костюме. Последний на фоне дикой природы смотрится совершенно неуместным.

Однако беловолосого принца это совсем не смущает. Шагает он ко мне грациозно, словно не замечая неровной поверхности. И объяснение его звучит вполне естественно:

– Вы не во дворце, именинница, а мы сегодня покидаем гостеприимный Вион. Вот пришли с вами попрощаться.

– Благодарю за оказанную честь, Хэйрас Навин ли’Тон. Мне очень приятно ваше внимание, – столь же вежливо отвечаю и ему, и его спутнику. – Ваше в той же степени, Ром Олиин ош’Лак.

– Ферты... – непривычно, но вполне уважительно начинает говорить Тогрис.

– Не стоит, – с отчетливым оттенком презрения хмыкает, перебивая его, цессянин, в то время как лансианин отворачивается и принимается за поиски подходящего камня. Наверное, решил продолжить развлечение.

– Что именно? – теряется Тогрис.

– Не стоит уже сейчас навязывать нам свои традиции. Вы еще не император. Дождитесь хотя бы помолвки с наследницей. Да и после... – Он многозначительно не договаривает фразу, а в интонациях появляется предупреждение. – Позволю себе вам напомнить: мы находимся в составе Объединенных территорий ровно до тех пор, пока видим в этом выгоду для себя. И вам в будущем придется очень постараться, чтобы мы продолжали ее видеть.

– Приму к сведению. – Если Тогрис и злится, то виду не показывает, говорит совершенно спокойно. – Однако и я напомню вам, что цессянский институт семьи был принят другими планетами империи, несмотря на то что Цесс так и не стал ее столицей. Так что я удивлен, что к традициям другой планеты, притом что она вскоре получит статус столицы, вы относитесь столь пренебрежительно.

– Так ведь это была и есть исключительно полезная и целесообразная для всей империи традиция! – парирует цессянин. – А какой смысл в дополнительном указании статуса? Представителей правящих династий и без него легко опознать. Ферт Хэйрас Навин ли’Тон, – важно произносит, словно пробует на вкус, и морщится, припечатывая: – Определенно перебор!

– Зато, если к вам обращаются только по имени, указание подчеркнет статус, – не оставляет попыток его убедить томлинец. Однако оппонент лишь на мгновение задумывается,

а затем презрительно кривит лицо и сокрушенно вздыхает:

– Бесплезная дискуссия. Все равно ведь протащите эту чушь в законодательство при первой же возможности. А она у вас точно будет. Вам повезло, цу'лЗар, но лишь потому, что наследница слишком юна. – Он неожиданно переключается на меня, впиваясь взглядом в лицо. – Эх, милая Идилинна, что ж вы так опрометчиво цените в мужчинах лишь молодость, веселость и привлекательность, забывая о житейском опыте, мудрости?

– И способностях, – хмыкает лансианин.

Невольно посмотрев на него, я замираю в изумлении. В руках ош'Лака камень такой величины, который вряд ли может поднять обычный мужчина. А он его держит легко, словно тот вообще ничего не весит. Подходит к краю уступа, но, вместо того чтобы бросить с размаха, просто толкает вперед.

Я забываю как дышать. Приоткрыв рот, смотрю, как гигантский кусок скалы плывет по воздуху, а вздымающиеся волны лижут его своими кончиками, словно приглашая упасть. Он и падает в итоге, наконец обретая ту массу, которую имеет. Уходит под воду, формируя огромную воронку, самую большую из всех, что мне доводилось видеть. А когда она схлопывается, в воздух взметывается столб жидкости и брызг. До нас они не долетают только потому, что расстояние немаленькое.

– Вот так как-то, – гордо резюмирует лансианин, опуская

руки, которые все это время держал повернутыми ладонями к камню. И я лишь после этого вспоминаю про гравитационные потоки, которые эта раса умеет контролировать.

Впечатляюще, ничего не скажешь. Только теперь на это как-то надо отреагировать... Нет, не «как-то», а очень дипломатично. Чтобы никого не обидеть. Иначе от наставниц выговор получу, ведь они последний год именно на этикет общения упор делали.

– Спасибо, Ром Олиин ош'Лак. Мне очень понравилось. Однако для империи все способности важны, между ними нет принципиальной разницы, даже если проявляются они не столь эффектно. А мудрость... – Бросив краткий взгляд на прищурившегося ли'Тона, я заглядываю в лицо понурого томлинца и улыбаюсь, чтобы почувствовал, на чьей я стороне. – Мудрость со временем приходит ко всем.

– Согласен. Очень правильная позиция, – неожиданно громко звучит еще один голос, и я с облегчением вздыхаю. Наконец-то можно расслабиться и предоставить общение с гостями брату. Он у меня опытный, взрослый и вообще помогать обязан...

Ваймон меня не разочаровывает. Незаметно подталкивает к нам Варию, которая пришла вместе с ним, и сообщает:

– Прошу прощения, но моей сестре нужно вернуться во дворец. Время позднее. Тогрис, прошу вас сопровождать девушек, а я останусь и составлю компанию нашим уважаемым гостям.

– Мы тоже уходим, – недовольно отзывается цессянин.

– Значит, провожу до посадочной площадки, – ничуть не тушуетя брат. – Ваши вещи уже доставлены на корабли. Другие делегации два часа как отбыли...

Мысленно хихикая, я вкладываю пальцы в ладонь Тогри-са, другой рукой цепляюсь за локоть фрейлины. Все! Домой! Хватит с нас «позитивных» эмоций.

Идем мы молча. Вария, похоже, стесняется, я не считаю нужным в ее присутствии обсуждать произошедшее, да и Тогрис, видимо, тоже. Впрочем, поглядывает на меня кавалер с нетерпением. Вария это видит не хуже меня, поэтому, едва оказываемся в коридоре первого уровня дворца, тактично отворачивается, делая вид, что ее увлекло что-то интересное за окном. Мужчина, пользуясь предоставленной ему возможностью, склоняется к моему виску и шепчет:

– Спасибо, Идилинна. Вы были бесподобны.

– Мы завтра увидимся? – улыбаюсь, потому что от комплимента и ненавязчивой легкости, с которой его пальцы гладят мои, на душе становится так приятно.

– Обязательно, – обещает кавалер. – У меня есть еще несколько дней, чтобы провести их с вами, прежде чем вернуться на Томлин.

Если ты устал играть, то ложишься на...

Кровать.

Рассматривая витраж на потолке – темный, потому что

ночь уже давно наступила, а освещение в спальне, можно сказать, никакое, – ловлю себя на том, что глаза упрямо отказываются закрываться. А еще я совершенно глупо улыбаюсь: воображение мое не желает отпускать образ Тогриса, постоянно возвращаясь к нашему с ним общению. В общем, вместо того чтобы спать, память смакует произошедшее и предвкушает приятные впечатления завтрашнего дня.

И, похоже, не я одна сегодня такая «несчастливая». Фрейлина тоже не в ладах с собственным сознанием. Раз перевернулась. Другой. Еще раз...

– Не спишь?

Приподнимаюсь на локте, чтобы видеть девушку, свернувшуюся клубочком на кровати, стоящей у противоположной стены спальни.

Услышав вопрос, Вария откидывает одеяло и садится. Она не имеет возможности рассмотреть меня в темноте. Зато мне сложно не заметить отнюдь не самое счастливое выражение ее лица.

– Я вас разбудила? – виновато звучит тихий голос.

– Нет, я тоже уснуть не могу, – успокаиваю фрейлину и, решив, что момент благоприятный, интересуюсь: – Чем ты занималась, пока я с Тогрисом гуляла?

– Мы с Ваймоном за вами наблюдали. На второй террасе сидели, там хороший обзор смотровой площадки.

– Подсматривали, значит, – не удерживаюсь от смешка.

– Ваш отец приказал следить, – оправдывается фрейли-

на. – И он оказался прав, вам ведь потребовалась поддержка. Мы сразу спустились, как только увидели, что гости к вам направились.

– Ну да, вряд ли папа не доверял Тогрису, скорее вот таким... – не договорив, замолкаю, потому что есть другой вопрос, который не дает покоя. Именно его и задаю: – Вария, а Ваймон тоже тебе руки целовал? На руках носил?

– Нет, что вы! – пугается девушка. – Я ведь ему никто. И... это я его люблю, а не он меня.

Голос дрожит, срываясь, а я неожиданно осознаю, что брат действительно никогда не показывал своих чувств. По сути, я ведь и узнала о том, что он тоже влюблен, лишь вчера, и то совершенно случайно. А до этого о взаимности чувств фрейлины как-то не задумывалась даже.

Потому и ощущение вины накатывает особенно остро. Как же я могла быть к подруге настолько безразличной? Мне ведь действительно было не особенно интересно, каково отношение к ней брата. Ну влюбилась она, и что? Ведь все через это проходят! Теперь же воспринимаю происходящее иначе. Как любить, если не получаешь ничего в ответ?

В общем, словно меня толкнул кто, спрыгиваю на пол, чтобы забраться на кровать к фрейлине. Обнимаю за плечи, успокаивая:

– Прости. Я эгоистка, только о себе думаю.

– Это не так! – Девушка принимается убеждать меня в обратном. – Вы никогда не ставите себя выше других! Про-

сто раньше у вас не возникало потребности вникать в чужие проблемы.

– Ты сейчас как наставница говоришь. Которой уже лет сто и о нормальной речи она уже забыла, – смеюсь, укутывая ее и себя в одеяло. Вечером во дворце становится прохладно. – И вообще, сколько раз я тебя просила перестать обращаться ко мне официально, когда мы наедине.

Вария задумывается, почти минуту сидит, покусывая губы, в итоге отрицательно качает головой.

– Не могу, простите, – жалобно звучит тонкий голосок. – Боюсь, что когда-нибудь забудусь и при всех неправильно к вам обращусь. Меня тут же выгонят...

– Ладно, как знаешь. – Вздыхаю, потому что рассчитывала на иной ответ, и вновь возвращаюсь к теме, с которой начала: – А ты уверена, что Ваймон к тебе ничего не чувствует?

И снова фрейлина впадает в ступор. Затем отвечает медленно, постепенно раскрывая то, что таила в душе:

– Я не знаю. Ему со мной приятно... иногда. Он улыбается, смотрит ласково. Но и холоден бывает тоже. Вчера мое общество его тяготило. Если бы не приказ, он точно бы меня отослал подальше. Знаете, Идилинна, я стараюсь поменьше об этом думать, просто живу, радуясь тем приятным ощущениям, что рождаются в его присутствии. Не хочу питать напрасных надежд. И иллюзий по поводу будущего у меня никаких – ваш брат на мне никогда не женится. Даже если влюбится.

– Но может попросить стать фавориткой, – срывается с губ, и я прикусываю язык. Ох, все же не сдержалась!

– Э-э-э... Ну да. – Вария теряется, видимо, действительно не думала о таком варианте развития отношений.

– Согласишься? – подталкиваю, потому как интересно, насколько легко будет брату получить то, что он хочет.

Очередная порция молчания. И краткое:

– Не знаю.

– Хорошо, допустим, откажешься. Но ведь ты Ваймона любишь. И он тоже может в тебя влюбиться. Как тогда быть? – не сдаюсь, беспокоясь теперь уже за брата.

– Разве вы не знаете, как от этого избавляются? – грустно улыбается Вария. – Природа жестоко толкает нас друг к другу, привязывая влечением, но она же нас жалеет, оставляя возможность разлюбить. Для этого нужно всего лишь...

– Знаю, знаю, – нервно хихикнув, закрываю ей рот ладонью. А то начнет сейчас вводить меня в курс интимных отношений. Я, конечно, не ханжа и все, что с этим связано, на занятиях с наставницами разбирала, но все равно тема меня смущает.

– В любом случае до совершеннолетия ничего нельзя изменить, – дождавшись, когда я уберу руку, продолжает подруга. – У меня еще семь лет впереди. Так что поспешных решений принимать не стоит.

Рассудком я с ней полностью согласна. Чувствами – нет. Мне хочется ясности, точности, уверенности... И все же

приходиться смириться. Рано. На самом деле слишком рано зашел об этом разговор. Получается, Ваймон поступает очень мудро, не обсуждая с Варией перспектив их отношений. Не давит, не торопит. Просто ждет.

Если это так, то его терпению и выдержке можно позавидовать. Я вот, например, подобными качествами не обладаю. И с утра нервничаю ничуть не меньше, чем ночью. Тороплю время, тянущееся как ленивый ик'лы, ворчу на фрейлину, которая долго возится с моими волосами, укладывая их, сержусь на платье, почему-то именно сейчас ставшее неудобным, теряю терпение, когда блюда издевательски медленно появляются на столе... В общем, все сегодня сговорились, отдавая мое свидание с Тогрисом.

Наконец получив возможность, к месту встречи в холле дворца практически бегу. Вария семенит позади и едва не врезается мне в спину, когда я вынужденно притормаживаю, чтобы в свою очередь не влететь в идущего навстречу брата.

– Стоп! – Ваймон раскидывает руки, и я замираю, понимая, что обойти его мне не удастся. – Поворачивай и топай в приемную отца.

– Как?.. – теряюсь, отступая, но тут же бросаюсь в бой. – Меня Тогрис ждет! Мы договаривались! И папа разрешил!

– Обстоятельства изменились. Так что нечего испепелять меня взглядом. Иди давай.

Вот и бреду теперь уныло под конвоем брата, утешаемая

шепотом фрейлины:

– Не расстраивайтесь, может, не все так уж плохо. Наверняка есть причина.

– Знаю я эту «причину», – бурчу сердито, косясь на виновника задержки. – Наверняка решили, что томлинец меня недостойн.

Однако едва оказываюсь в белой приемной, как пессимизм улетучивается. А все потому, что Тогрис, разговаривающий с моим отцом, быстро оборачивается и стремительно шагает навстречу.

– Фисса Идилинна...

Замирает, не решаясь коснуться первым, и лишь когда я с облегчением выдыхаю и улыбаюсь, протягивая ему руку, крепко сжимает мои пальцы. А потом еще и к дивану отводит. Усаживает и сам садится рядом, так и не выпустив руки.

– Что случилось? – спрашиваю я весело. Успокоилась, поняв, что с нашими отношениями разговор не связан, а остальное... Остальное меня не столь сильно тревожит. И, как выясняется, совершенно напрасно.

– Два часа назад пришло сообщение. Флот фузойлийцев, вот уже год осаждающий Дагру, начал передислокацию. По данным разведки, их целью станет Томлин, – словно извиняясь, говорит Тогрис.

Только теперь замечаю, что одет он не в повседневный легкий костюм, а в плотный дорожный мундир.

– Вы улетае... – расстраиваюсь, чувствуя себя обману-

той. Мне так хотелось вместе с ним полетать на жирали, погулять по улочкам Вагдрибора, поплавать в заливе... Эх! Столько планов было!

– Неприсоединившиеся миры – это постоянная угроза. Они нападают и друг на друга, и на тех, кто находится в составе империи, – вмешиваясь в наш диалог, объясняет папа. Опускается в белое, украшенное голубым шитьем кресло, стоящее напротив нас, и мягко просит: – Доченька, ты должна понять, что твой избранник не может оставаться в стороне, когда опасность грозит его родине.

– А у Томлина хороший флот? – беспокоюсь я. – Сильный? Не хочу, чтобы... Чтобы что-то плохое случилось.

– В систему Иона направится имперская эскадра, а Тогриц цу'лЗар будет назначен ее командующим.

В голосе отца теперь слышна не только забота, но и удовлетворение. Ему нравится мое равнодушие к судьбе избранника. Томлинцу, кажется, тоже. Заглянув в прозрачно-оранжевые глаза мужчины, я вижу не только сожаление о столь раннем расставании, но и благодарность. Да и ласковые поглаживания руки тоже говорят о многом. Они примиряют меня с неизбежным куда в большей степени, чем сочувственное: «Привыкай, доченька. Мужчины иначе расставляют приоритеты. Особенно те, кто у власти», – от моей мамы. Она, кстати, этим и ограничилась, когда вместе с нами провожала томлинскую делегацию – шестерых мужчин с коротко остриженными волосами песочного цвета в черных с

желтыми вставками мундирах. А я и не знала, что Тогриса кто-то сопровождал.

– Жаль, что мне не удастся устроить вам экскурсию по Томлину, – прощаясь, извиняется принц. – Но очень надеюсь в будущем, когда путешествие станет безопасным, все же выполнить свое обещание. И еще...

Мужчина засовывает руку за пазуху, а когда вытаскивает, вижу прильнувшего к пальцам зеленого ик'лы. Теряюсь, растерянно хлопая глазами. Он... Он отказывается от такого милого и совсем необременительного питомца?

Я насупливаюсь, а Тогрис вздыхает объясняя:

– Не хочу, чтобы малыш мучился, если мне не удастся вернуться на Вион.

– Вы вернетесь! – убежденно заявляю, тут же забывая об обиде. – Даже не смейте думать о плохом. Понятно? Поклянитесь, что мы снова встретимся!

– Какая же вы милая, Идилинна, – одними уголками губ улыбается принц. – Хорошо. Клянусь. И все равно, пусть малыш останется. Мне так будет спокойнее. Обещайте, что позаботитесь о нем.

– Обещаю. – Теперь мне приходится уступить. Забрать из мужских рук трепещущий комочек и посетовать, услышав переливчатую расстроенную трель. – Он к вам уже привык.

– К вам тоже привыкнет. И вы будете меньше скучать.

– О! – смеюсь, такими веселыми кажутся мне его слова. – Боюсь, скучать мне не дадут наставницы. Я ведь теперь не

ребенок и на более сложную программу обучения перехожу. Уроков станет больше, времени на развлечения меньше... Я не жалуясь! – восклицаю, заметив тень сочувствия на лице собеседника. – Мне нравится учиться.

– Это очень хорошо, – хвалит меня Тогрис. Услышав деликатное покашливание за спиной – это мой отец решил напомнить о времени, – оглядывается и, неожиданно завладев моими пальцами, спрашивает: – Позволите?

Взгляд пристальный, готовый и отступить, приняв мой отказ, и действовать в случае согласия. Выразительный настолько, что других слов, чтобы понять, о чем именно он просит, не нужно.

Наверняка поэтому мой организм решает все за меня. Я киваю раньше, чем успеваю проанализировать, действительно ли хочу этого поцелуя.

Тогрис склоняется к руке, касаясь кожи губами, я же замираю, жадно впитывая уже знакомые и все же совершенно новые ощущения. И едва дыша, провожаю глазами сначала удаляющуюся фигуру томлинца, окруженную соотечественниками, а затем маленький воздушный транспорт, который поднимает пассажиров на орбиту, где их ждут настоящие космические крейсера.

Вздрагиваю от зябкой волны холода, прокатившейся по телу, и перевожу взгляд на фрейлину, которая набрасывает мне на плечи теплую накидку.

– Сегодня прохладно, – объясняет Вария и предлагает, по-

смотрев на дрожащего ик'лы на моей ладони: – Хотите, я его заберу? Мне несложно.

– Нет. Я сама буду за ним ухаживать, – решительно отказываю, пересаживая малыша на предплечье.

Ик'лы тут же растекается, мягко скользят по коже, и прячутся под рукавом. Теплый. Упругий. Такой же ласковый, как пальцы Тогриса. Может, даже хорошо, что он питомца мне отдал. Теперь я о своем будущем женихе точно не забуду.

Глава 2

Советы и дружба. Зачем это нужно?

Каждый день, невзирая на сложности, мы читаем и слушаем...

Новости.

Яркие желтые лучи Адапи скользят по листве за тонким слоем прозрачного трипслата и бликуют, отражаясь от маленьких капель, оставшихся после утреннего дождя. Расцветивают радугой белый корсаж моего платья и ласково согревают кожу на руках, где ткань совсем легкая, воздушная. В такую погоду хочется гулять, а не сидеть в душной классной комнате под надзором чопорной и весьма придирчивой наставницы Гренны. Именно она ведет у меня курс политической истории.

– Я вас слушаю.

Строгий голос заставляет меня переместиться от окна в центр помещения, собраться, сосредоточиться и, выбросив из головы посторонние мысли, начать говорить:

– Империя образована триста пятьдесят лет назад как экономический союз звездных систем Фиссо и Эфус.

Отступаю на шаг, чтобы оказаться рядом с картой и указать рукой на нужные объекты.

– По сути это закрепленное династическим браком либо возможностью его осуществления территориальное объединение планет локального звездного скопления, изолированного от второго внешнего рукава Галактики довольно обширной зоной пустого космического пространства. В скоплении насчитывается сто тридцать миров.

Посмотрев на Гренну, которая, подперев кулаком морщинистую щеку, молча слушает доклад, я снова поворачиваюсь к карте, чтобы мои слова не казались пустыми заученными фразами.

– Три из них населены негуманоидными формами жизни, одна – гуманоидной, но лишенной способностей, остальные – цивилизациями, различающимися по расовым способностям и внешним признакам, но с высокой долей вероятности имеющими общих видовых предков. Однако существование такого вида на какой-либо из планет в настоящее время не доказано. Вся собранная по этому вопросу информация находится в отдельной папке, – поясняю, заметив, как хмурится Гренна, просматривая мои записи. И лишь когда она кивает, обнаружив искомое, продолжаю:

– Сейчас Объединенные территории включают в себя семьдесят четыре звездные системы, семь из которых вошли в состав империи за последние десять лет, что существенно опережает темпы расширения границ до двухсотого года, когда прирост составлял менее одной цивилизации за тот же период. Расчеты и графики имеются в приложении.

И снова жду, пока блеклые голубые глаза, лет сто назад, несомненно, имевшие насыщенный синий цвет, изучат плоды моих трудов, а грубоватый голос разрешит:

– Дальше.

– Со времени основания империи шесть планет находились в статусе столиц, а их правители в статусе императоров, средняя длительность правления которых составляет около шестидесяти стандартных лет. Функционал императора направлен на координацию торгово-экономических связей, обеспечение мирного урегулирования вопросов взаимодействия планет в составе Объединенных территорий и организацию защиты от внешней угрозы, которую несут неприсоединившиеся миры, при этом полномочия императора не затрагивают внутривнутриполитических отношений на самих планетах, за исключением случаев, когда таковые несут непосредственную угрозу стабильности империи.

Замолкаю, решив не вдаваться в подробности. Все же у меня реферат, а не диссертация. К тому же мой коммуникатор уже несколько раз вибрировал, а я, пока Гренна не закончит занятие и меня не отпустит, не могу сообщение даже просмотреть.

– Ну что ж... Удовлетворительно, – выносит вердикт наставница. – Вы забыли упомянуть про наследниц, которых было столько же, сколько и столиц. А также про их уникальную способность накапливать и передавать расовые признаки по наследству, которой больше никто не имеет.

– Я сделала это намеренно, решив, что этот аспект в большей степени касается биологии, нежели истории, – объясняю, стараясь сохранить внешнее спокойствие. Замечание действительно кажется мне притянутым за уши.

– В науках не бывает четкого деления сфер изучения. Взаимосвязи и интеграция встречаются повсеместно. Мне жаль, что вы этого не учли. Надеюсь, к следующему заданию вы подойдете с позиции большей широты восприятия, – нравоучительно выговаривает Гренна, аккуратно складывая материалы, разложенные на столе.

– Я постараюсь, – послушно отвечаю. Доброжелательно и миролюбиво, хотя хочется мне спорить, доказывать... Однако если начну это делать, урок быстро точно не закончится. Плюс в наказание за строптивость Гренна родителям на меня наябедничает. Скажет, что я ее профессиональное мнение не уважаю и препираюсь. Папа, как обычно, отнесется к этому спокойно, а вот мама... Мама будет долго читать нотацию. Так что лучше уж я несправедливые упреки сейчас потерплю, чем потом.

Однако наставница отпускать меня никак не желает. Самым тщательным образом долго разбирает новое задание, которое мне предстоит выполнить. И это притом, что не может она не видеть мое нетерпение! Я же и с ноги на ногу переминаюсь, и вздыхаю, и отвечаю односложно... Никак понять не могу, то ли у нее характер такой дотошно-скрупулезный, то ли она отчего-то лично меня невлюбила и потому

пытается вывести из себя.

Спасает пришедшее теперь уже на ее коммуникатор сообщение. Едва бросив взгляд на запястье, Гренна в две минуты излагает все то, что, несомненно, планировала обсуждать не меньше часа. А в завершение совсем ошарашивает:

– С завтрашнего дня у вас маленькие каникулы, так что с тем, о чем я только что говорила, вы начнете работать, когда они у вас закончатся.

Ого! Теперь мое любопытство зашкаливает! Кому же я обязана неожиданным отдыхом?

Едва шагнув за порог классной комнаты, хватаюсь за коммуникатор и замираю, увидев на экране опознавательный знак имперской службы межпланетной связи, переславшей мне письмо.

«Фисса Идилинна, дорогая. Простите за краткость, но на этот раз у меня есть новости, которые я хочу сообщить вам лично, потому что обстоятельства наконец позволяют мне прибыть на Вион. Ферт Тогрис цу'лЗар».

Лишь прочитав последний символ, я судорожно втягиваю воздух – все это время не дышала – и, подпрыгнув, взвизгиваю от радости. Ура! Он прилетает наконец-то! Пять лет! Я пять лет этого ждала! Ведь с моего пятнадцатилетия мы ни разу не виделись. Как бы ни хотелось, как бы ни планировалось – жизнь вносила свои коррективы, отдаляя встречу. Нам приходилось довольствоваться письмами. Моими – частыми, ведь у меня было время описывать все, что про-

исходит на Вионе и в моей семье. А вот те, что приходили от Тогриса, были куда более редкими и лаконичными. Я не обижалась, понимала, что у него забот и проблем в десятки раз больше. Да и в любом случае письма это совсем не то, что личное общение.

– Начиталась? – смешливо фыркает за спиной мужской голос, и я в очередной раз подпрыгиваю. Правда, теперь не от радости, а от неожиданности и чтобы развернуться к незаметно подкравшемуся брату.

– С ума сошел, так пугать? – возмущенно восклицаю, в отместку шлепнув раскрытой ладонью по рукаву легкого ярко-синего жакета Ваймона. – Нормально меня позвать нельзя было?

– Я так и сделал, да только ты увлечена была и не услышала, – невозмутимо парирует он, потирая плечо. Удар хоть и несильный, но все же чувствительный получился. – Идем, нас родители ждут. Будут ценные указания раздавать, раз уж такое знаменательное событие намечается, как визит будущего императора.

Я настолько теряюсь от его первого заявления, что даже не сразу акцентирую внимание на втором. Хотя оно-то как раз важнее – получается, это по настоянию моих родителей Гренна столь оперативно урок завершила. Но это все я уже после соображаю, а в настоящий момент вопросительно смотрю на фрейлину, которая ждала в конце коридора и присоединилась к нам, едва мы с ней поравнялись.

– Он действительно меня звал? – интересуюсь вполголоса.

Вышагивающий чуть впереди Ваймон оглядывается и тут же отворачивается, но я успеваю заметить на его лице хитрую улыбку, а потому мгновенно догадываюсь, каким будет ответ. Да и Вария, подтверждая мою догадку, отрицательно качает головой.

Понятно. Значит, самым наглым образом врал, а я приняла за правду, раз сразу во лжи не обвинила. Эх, сглупила. Теперь у Ваймона сорок очков против моих тридцати восьми. А ведь такой шанс был его догнать и сравнять счет!

Впиваюсь взглядом в гордо расправленные плечи и уверенную походку. Ладно, ладно, торжествуй пока. Все равно я выиграю. До пятидесяти очков тебе еще далеко, успею реабилитироваться.

– Вы зачет-то сдали? – отвлекает меня от размышлений фрейлина. Волнуется, понятное дело.

– Лучше бы не сдавала, – вздыхаю, на время отложив обдумывание тактики. – Мне удовлетворительно поставили, представляешь? Вот что стоило Тогрису на день раньше сообщение прислать? Отчиталась бы после каникул, возможно, тогда и оценка была бы лучше.

Сказала и сама устыдилась. Что за нехорошее стремление – искать оправдания, винить в своих проблемах других и сокрушаться о том, что могло бы быть? Оно уже есть! И с этим нужно дальше жить.

С этой мыслью, выбросив из головы все негативное, сле-

дом за братом я захожу в малую гостиную. Не столь ярко освещенную, нежели другие помещения, ибо окно тут только одно, да и то затянуто дымчатыми пластинками слюды, а не прозрачным трипслатом. Куда менее воздушную по отделке, в которой нет ажурных элементов и глянцевых поверхностей, лишь матовые и ровные. Иной и по цветовому решению – вместо синего спектра здесь преобладает серый в сочетании с коричнево-желтым и черным. Эту комнату родители больше всего любят. Мама – потому что она ей дворцовые интерьеры Шенора напоминает. Папа – оттого что маму первый раз именно в них увидел. И влюбился, как он утверждает, с первого взгляда.

Кстати, мама на этом фоне на самом деле смотрится шикарно – пушистые волосы желтым облаком окутывают голову, украшенное золотистой вышивкой голубое платье прекрасно гармонирует с бархатно-серой обивкой дивана. А вот отец здесь кажется не столь уместным в своих любимых ярко-синих домашних брюках и белой рубашке. Впрочем, его это не волнует совершенно – он во дворце хозяин. И муж. Поэтому маму из объятий выпускает, только когда мы уже оказываемся внутри помещения, ничуть не смущаясь интимности ситуации, в которой мы их застали.

– Располагайтесь, дети, – приветствует нас, удобнее усаживаясь на сиденье. Мама приглаживает растрепавшиеся волосы и поправляет корсаж платья, рукава которого определенно забыли, где находится положенное им место.

Переглянувшись, мы с Ваймоном не удерживаемся от улыбки. Похоже, скоро в нашей семье будет пополнение. Вот и мамин любимый кулончик многозначительно поблескивает в вырезе отцовской рубашки. Подарила-таки! А ведь говорила, что свой долг и перед империей, которой была нужна новая наследница, и перед Вионом, которому требовался принц королевской династии, выполнила и больше детей не хочет. Видимо, папа ее переубедил.

Между прочим, кулон, который специально для меня изготовили королевские ювелиры, я уже видела. Едва заметно голубой, прозрачный каплевидный виараз в изумительном ажурном плетении белого металла... Краси-и-и-вый! Аж дух захватывает! Мне папа показал под большим секретом и сказал, что я его на свое совершеннолетие получу. Раньше мне это украшение без надобности. Зато когда двадцать пять исполнится, замуж выйду, вот тогда точно пригодится. Мужчина ведь должен быть уверен, что женщина готова на большее, чем просто удовольствие от взаимности, а полученное от нее украшение – самое верное доказательство.

Разумеется, так было не всегда и не везде – ритуал дарения кулона никак не связан с физиологией, а потому совершенно субъективен. Не на всех планетах до этого «додумались». Но мы ему следуем. Потому что удобно. Это раз. Положила начало традиции мама первой наследницы, от которой мы еще и второе имя получаем. То есть должны с уважением относиться к наследию. Это два. Ну и...

– Лина! – возмущенно-громкий голос мамы возвращает меня в настоящее, прервав размышления. – Ты где витаешь? Хоть слышала, что папа сказал?

Ой... Сказал?

– Да, – теряюсь настолько, что ответ срывается с губ раньше, чем я успеваю его обдумать. Спыхватываюсь и исправляюсь: – То есть нет. – Увидев удивленно ползущие на лоб брови отца, пытаюсь объяснить: – Я просто...

– Размечталась она, – снисходительно перебивает меня Ваймон. – Спит и видит, когда ее суженый объявится.

– И ничего не размечталась! – шиплю в ответ. – Мне и без Тогриса есть о чем думать! По себе меня не равняй.

– Это в каком смысле? – прищуривается брат.

– Сам знаешь! – Я бросаю многозначительный взгляд на дверь, за которой осталась Вария.

– Хватит, дети! – приказывает папа, и мы замолкаем. – Лина, я говорил, что тебе кое о чем нужно узнать раньше, чем увидеть.

Я киваю, навостряя уши. Ну надо же! Тогрис новости обещал, теперь вот папа... Интересно, это одна и та же информация или все же разная?

– Ты ведь курсе, что цу'лЗар все эти годы был командующим имперской эскадрой, которая защищала подступы к Томлину. Фузойлийцы отступили, однако своих захватнических амбиций не растеряли. Они создали временную коалицию с адерианцами и, усилив свои позиции, напали на Зар-

косс. Нам пришлось перебрасывать флот в систему Шаон и вести полномасштабные военные действия, чтобы доказать состоятельность империи в обеспечении безопасности.

Начал папа издалека, однако я перебивать его не спешила, хоть и хотелось мне, чтобы он побыстрее перешел к сути. Понимала, что наверняка есть причина для такого вступления.

– Твой будущий жених после снятия блокады с Томлина мог бы остаться на своей родной планете, но проявил похвальную сознательность и не бросил пост, продолжая командовать крейсерами. В последнем сражении, которое принесло нам окончательную победу, заставив агрессоров позорно отступить и вернуться на свои планеты, мы потеряли больше половины эскадры. Флагманский корабль тоже пострадал.

– Но Тогрис же не погиб? – растерянно выдавливаю, не понимая, как я могла получить от него письмо. И кто тогда прилетает?!

– Нет, цу'лЗар жив и хорошо себя чувствует, несмотря на серьезное ранение, но... – Ответ разрушает все мои вопросы и, посмотрев на маму, в глазах которой я вижу сочувствие, отец заканчивает: – Врачам не удалось спасти ему ноги.

– Как же служба безопасности это допустила? Куда его телохранители смотрели? Почему другие крейсера не защитили флагманский? – Халатность подчиненных возмущает меня настолько сильно, что я даже масштаб увечий не сразу

осознаю.

– Лина... – Папа морщится, но терпеливо объясняет: – Ты представляешь себе бой впечатляющей эффектной сценой, с четким статичным построением кораблей противников друг против друга и чередующимися точными ударами, которыми обмениваются крейсера, закрытые силовыми экранами. В реальности же все иначе. Враг отнюдь не деликатен и бьет со всех сторон. Корабли двигаются, теряют управление и сталкиваются. От лаонных зарядов защитные поля, вместо того чтобы закрывать корабли, схлопываются и формирующие их установки взрываются, буквально разрывая корабль на части. Крейсер командующего попал под такой удар. Тогрису, который в этот момент был в рубке управления, отшвырнуло к выходу. Началась разгерметизация, и сомкнувшиеся створки, изолирующие помещение, отсекли ему голени... Прости за некрасивые подробности.

Последнее он добавляет потому, что я вздрагиваю. Воображение у меня всегда было хорошее, и картина несчастья как наяву встает перед мысленным взором. Отсюда и реакция организма.

– Если тебе неприятно, можешь отказаться... – начинает мама и осекается, когда папа бросает на нее укоризненный взгляд, а в моей душе поднимается волна возмущения, от которой дыхание учащается и пальцы сжимаются в кулаки.

– Отказаться? – нарастающая злость словно выдергивает из меня резкие слова. – Я, по-вашему, совсем бездушное со-

здание? Бесчувственное и прагматичное? Думаете, что с легкостью выброшу из своей жизни того, кого выбрала? И вообще, я его люблю!

Сорвавшееся с губ признание меня саму пугает настолько, что я зажимаю рот рукой. Ведь никогда раньше подобные мысли мне в голову не приходили. Да, я о Тогрисе думала, и о первой встрече вспоминала, и о совместном будущем мечтала, но чтобы до такой степени...

Мама выразительно поднимает глаза к потолку и отворачивается, передергивая плечами. Папа тоже реагирует своеобразно – вроде и приятны ему мои слова, но и беспокоят тоже. Кстати, не только сказанное, но и то, что мама обиделась. Потому первое, что он делает, – пододвигается к ней, чтобы обнять. И лишь затем говорит:

– Ты не сердись, Лина. Твоя мама не имела в виду ничего плохого. Лишь то, что тебя никто принуждать не будет. И с выводами относительно своих чувств тоже не торопись. Вы столько времени не виделись.

На этот раз мне хватает выдержки, чтобы промолчать. Понятно, что папа будет защищать маму, даже если она не права. А мне следует лучше себя контролировать. Впрочем, совет несколько запоздалый. Разговор на этом заканчивается и нас с братом фактически выставляют за дверь.

– Ты реально не поняла? Или только вид сделала? – восклицает Ваймон, едва за нашими спинами смыкаются створки.

– Что я должна была понять? – ворчу, покосившись на Варию, которая ожидала на диванчике, а теперь поднялась и идет к нам.

– Она же тебя специально провоцировала. Чтобы проверить наличие у тебя к нему влечения.

– И какой в этом смысл? – Мои подозрения, что брат водит меня за нос, усиливаются, но вида я пока не подаю. Жду момента.

– Самый элементарный. Цу'лЗар как император теперь невыгоден. В этом самом последнем сражении он себя не в лучшем свете показал. Победили мы только по счастливой случайности. Так что если у тебя нет к нему влечения, одной проблемой сразу стало бы меньше. А если есть... – Он сочувственно посмотрел на меня. – Родители потому еще одного ребенка и торопятся родить до твоего совершеннолетия. Если это будет девочка, она станет наследницей вместо тебя. А ты останешься с этим неудачником.

– Врешь, – уверенно заявляю, уже не сомневаясь, что его слова это часть игры.

– Вру, – с улыбкой соглашается брат. – Молодец, все же сравняла счет. Вот только вру, к сожалению, не я один. Смотри.

Мы с Варией, которая как раз оказалась рядом, с любопытством смотрим на экран, который Ваймон сделал больше и развернул, чтобы было удобнее читать. Однако по мере этого самого чтения мое возмущение растет в геометри-

ческой прогрессии. Одни новостные заголовки чего стоят!

«Наследница вынуждена остаться с неудачником!» «Кандидатура будущего императора под сомнением!» «Нужен ли нам недальновидный стратег?» «Объединенные территории ждут новые выборы?»

А уж про содержание и говорить нечего.

«За тактические ошибки будущего императора заплатили жизнями сотни империян. Что же будет с Объединенными территориями, когда он придет к управлению?..

Какое разочарование ждет наследницу, которая оказалась заложницей ситуации в плену влечения собственного организма! А ведь были более достойные и компетентные претенденты...

Если Тогрис цу'лЗар порядочный империянин, а не корыстный (и далее по списку), то обязан сбить возникшую у наследницы привязку к нему...

Императора следует выбрать снова, с учетом обстоятельств...»

– Сволочи! – безапелляционно заявляю, с досадой отворачиваясь от экрана. – С этим можно что-то сделать?

– Что тут сделаешь? – Ваймон пожимает плечами, выключая вилыот. – Найти первоисточник этих сплетен сложно, все валят друг на друга. Мол, перепечатывают инфу. А она с каждым разом наполняется все более неприглядным смыслом.

– Но ведь это неправда!

– Разумеется. Тогрис действовал правильно, с учетом возможностей и обстоятельств. Сомневаюсь, что, будь на его месте кто-то другой, результат чем-то отличался. Но, по всей видимости, есть те, кому выгодно иное видение ситуации.

– И я даже знаю, кто это может быть... – зло цежу сквозь зубы, вспоминая, с каким презрением смотрел на Тогрису «мудрый» Хэйрас Навин ли’Тон. С него станется подстегнуть сплетни, чтобы получить второй шанс стать императором.

Жаль, только доказать это невозможно. Зато можно принять к сведению и учесть в разговоре с томлинцем. Наверняка мой суженый не в восторге от такого «признания» его заслуг.

Встреча с той, что на выданье, превращается в...

Свиданье.

«Не в восторге» – это мягко сказано. В унынии, в депрессии, в состоянии безысходности... Вот куда более подходящие эпитеты для того, кто сейчас сидит рядом со мной и молча смотрит в голубую даль. На небо, привычно чистое и прозрачное. На далекий горизонт, исчезающий в белесой дымке. На те самые волны, в которые когда-то с таким азартом бросал камушки...

Ну да, сидит он вовсе не на скамье, а в специальном кресле. Молчит потому, что собирается с духом, чтобы признаться в том, что я уже знаю. И угрюмость понятна – это я обо всем узнала буквально вчера, а Тогрис под прессингом

несправедливых высказываний уже несколько недель находится. Причем свалились они на него, едва он в себя пришел после ранения. Тем и объясняется пессимистичный настрой мужчины. Но все равно он мне не нравится.

А раз не нравится, значит... Значит, будем исправлять!

– Я действительно стала привлекательнее? – начинаю издалека. Вернее, с той единственной точки опоры, что имеется в моем распоряжении. Ведь кроме фразы «вы изумительно выглядите, фисса Идилинна» Тогрис мне пока ничего не сказал. Да и я не считала нужным болтать при телохранителе, который катил кресло с томлинцем от выезда на смотровую площадку, где мы встретились, до скамьи. Зато теперь, когда военный ушел, оставив нас наедине, молчать я не собираюсь.

– Действительно, – выдержав пусть небольшую, но все же паузу, отвечает Тогрис. – Боюсь даже представлять, в какую красавицу превратитесь к своему совершеннолетию.

Комплимент? Да. Но тон... Все тот же депрессивный. И в глазах тоска. Словно мужчина заранее знает, что ему моя красота не достанется. А вот я уверена в обратном.

– Может, и к лучшему, что не представляете. Значит, я вас приятно удивлю. Вам ведь наверняка снова долго придется отсутствовать: лечиться, на своей планете побывать, чтобы способности не снизились. Да и вникать в дела империи тоже нужно. А когда прилетите, получите приятный сюрприз!

– Идилинна, мы с вами... – начинает томлинец, видимо

все же решившись, но я его перебиваю, не позволяя все испортить.

– Мы с вами будем самой счастливой парой! – восклицаю, может, и излишне экзальтированно, зато результативно. Тогрис давится словами, посмотрев на меня как-то странно. Печально. И с горечью.

Это он меня жалеет? Или себя? Впрочем, не важно. Он вообще не должен подобных чувств испытывать! Иначе плохой из него получится император.

– Ферт Тогрис... – Я сдвигаюсь по скамье ближе к нему. И тон выбираю более спокойный, рассудительный. Эмоции эмоциями, а томлинцу определенно не хватает уверенности в своих силах. – Знаете, какая мысль мне в голову пришла? Я пока папе не говорила, хотела сюрприз сделать, но теперь, думаю, правильнее будет поделиться ею с вами. Чтобы именно вы могли ее реализовать.

Цу'лЗар по-прежнему молчит, но взгляд изменился – в нем появилось ожидание, и брови вопросительно поползли вверх, выдавая возникшую заинтересованность.

– Вы ведь играете в «Ривус»?

Спрашиваю почти утвердительно, зная, насколько эта игра-стратегия популярна. Сложно найти мужчину, который не умеет или не любит в нее играть. Женщины тоже увлекаются, но не все и не всегда. Я, например, совершенно спокойно к ней отношусь, без особого энтузиазма, хотя и знакома с правилами. Мне больше нравится смотреть, как играет

отец со своими министрами. И, конечно, выигрывает.

– Так вот, – продолжаю, когда томлинец кивает. – Как вы смотрите на то, чтобы создать игровое поле, моделирующее последний бой имперской эскадры с объединенным флотом фузойлийцев и адеряианцев? И внести в правила, что выигравший сражение иным способом, нежели это произошло в реальности, и потерявший при этом меньшее число кораблей, получит весомую награду лично из рук императора? Папа согласится, я с ним поговорю, а это поле станет самой популярной стратегической эмуляцией в империи! А возможно, и в неприсоединившихся мирах.

– Но ведь иного способа победить, не понеся еще больших потерь, не существует, – напрягается Тогрис. Он явно не понял смысла моего предложения, потому я радостно общаю:

– Вот именно! А раз такого способа нет, значит, вы – самый умный и дальновидный стратег в империи!

И достойный будущий император – добавляю про себя. Ведь поскольку иные комбинации проигрышные, игроки быстро поймут, что командующий действовал верно и в нападках на него нет ничего, кроме попыток очернить. А уж в том, что попробуют свои силы все, можно даже не сомневаться. Азарт сделает свое дело.

Представляю, как мудрый Хэйрас Навин ли’Тон снисходительно, с апломбом скажет уже успевшему потерпеть поражение в игре силачу Рому Олиин ош’Лаку: «Смотри, как

надо!» Сядет за стол с «Ривусом» и... с треском проиграет. А вокруг – те самые репортеры, что так рьяно подхватывают любую сенсацию. И новый взрыв в новостной ленте: «Наследница выбрала идеального кандидата на пост императора!» Шикарная картинка!

Не знаю, может, Тогрису на ум пришла какая-нибудь другая, но он тоже улыбнулся. Еще неуверенно, робко, но ведь пять минут назад даже об этом можно было лишь мечтать.

– А тот, кто откажется проверять свои силы, тем самым признает себя некомпетентным, – закрепляю результат. И перехожу к следующему этапу, словно спохватываясь: – Тогрис! Вы ведь согласились на имплантацию?

– Да. – Теперь и голос звучит спокойнее, увереннее. – Правда, для этого мне придется несколько месяцев провести на Шеноре. Врачи настаивают на длительной реабилитации.

– Ничего страшного, – успокаиваю его. – Наоборот, это опять же к лучшему. Совместите лечение с разработкой игрового поля. К окончанию реабилитации и «Ривус» пополнится новой стратегической эмуляцией, и вы думать забудете, что в вас есть что-то искусственное. Шенориане по части сращивания неживого и живого настоящие профессионалы. Они же часто травмируются, потому как и характер у них воинственный, и условия на планете экстремальные. Вот и отшлифовали технологию восстановления тела до совершенства. Мама рассказывала, что у ее отца, моего дедушки, был искусственный позвоночник. А его министры все как один

имели протезированные руки-ноги... Хорошо хоть не головы!

Наконец-то засмеялся. Успокоился, воспрянул духом, расслабился. Вот что значит правильно оказанная поддержка! И раз уж с задачей номер один я так успешно справилась, не откладывая перейду ко второй.

Поправив юбку, сдвигаюсь, оказываясь на самом краю скамьи.

– Вы упадете, фисса, – покосившись на меня, предупреждает Тогрис.

Он все еще улыбается, оттого и слова звучат отнюдь не наставительно. Хотя мне, разумеется, куда приятнее думать, что это потому, что он ко мне равнодушен. Ну а если все же еще нет... Пять лет назад, будучи нескладной девчонкой-подростком, я ему нравилась. Неплохой старт. И чтобы к финишу – моему совершеннолетию – томлинец пришел влюбленным мужчиной, мне нужно сокращать расстояние. То есть быть к нему как можно ближе. И не только психологически.

– Действительно, – с неудовольствием смотрю на разделяющее нас пространство.

Небольшое, куда меньше вытянутой руки, оно кажется мне безобразно огромным. Потому нестерпимо хочется высказаться в адрес телохранителя, который поставил кресло так далеко, что Тогрис не в состоянии проявить галантность и меня поддержать.

Придется самой падать в нужном направлении. И делать это лучше из положения стоя.

Привычно, а потому ловко выбиваю ногой камушек из дорожки. Останавливается он у самых ног томлинца, закрытых плотным теплым пледом. Я спрыгиваю со скамьи, чтобы добытый снаряд подобрать. Замах и... И разумеется, в вертикальном положении я не удерживаюсь.

Нога соскользнула. Голова закружилась. Воздуха не хватило... Да мало ли какая причина лишила меня равновесия! Главное – результат. А он-то как раз мне очень даже нравится: я наконец оказываюсь там, где мечтала, – в руках мужчины и на его коленях. А еще больше мне нравится изумление, сверкнувшее во взгляде моего спасителя. И его хриплое:

– Идилинна...

– Что? – прикусываю губу, чтобы рот не растянулся до ушей от острых волн удовольствия, прокатывающихся по телу. – Вам неудобно? – Оплетаю руками его шею, с наслаждением скользнув ладонями по коротким волосам на затылке. Прижимаюсь к широкой груди и интересуюсь: – Так лучше?

– Я не об этом. – Тогрис зажмуривается и определенно дышит через раз, гася то самое влечение, что сейчас должен испытывать его организм. По крайней мере, я на это надеюсь.

– О чем тогда? – ласково массирую пальцами его шею.

– Вы уверены в том, что делаете? – распахивая глаза, отрывисто спрашивает, словно в воду бросается суженый. –

Действительно этого хотите? Я же на грани. Все это время сдерживало меня лишь разделяющее нас расстояние и страх влюбиться в вас, а потом потерять. Но если я полюблю по-настоящему... – Он шумно сглатывает, борясь с эмоциями. – Поймите, тогда я уже не смогу хладнокровно с вами переспать, чтобы убрать возникшую у вас привязку, если вы все же передумаете и выберете другого жениха. Вы разобьете мне сердце... Вы убьете меня, Идилинна.

Его слова окутываются зовом нежности, сворачиваются в спираль неведомого мне ранее наслаждения столь желанной близостью, затягивают в водоворот ласкового притяжения. Оттого и говорю уверенно, ни на мгновение не усомнившись в принятом решении:

– Мне не нужен никто другой.

– Это говорит ваше тело, а не разум, – вздыхает упрямец.

– Ну да, – подтверждаю, точно зная, что мои попытки его переубедить будут менее результативными, нежели следование логике, направление которой он сам задал. Я не раз в этом убеждалась – мужчины никогда не примут открытое противостояние женщины. – Но ведь вы прекрасно знаете способ все изменить.

– До свадебного танца еще пять лет, – напоминает Тогрис.

– До свадебного танца я и не посмотрю ни на кого другого.

Мне привязка не позволит, – улыбаюсь, заглядывая в темную глубину оранжевых глаз. – Может, вы меня уже обнимете? А то я соскальзываю.

Демонстративно ерзаю, усаживаясь удобнее, и наконец получаю больше, нежели простую поддержку: руки мужчины оплетают мою талию, практически вжимая боком в напряженный корпус.

Облегчая контакт, я опускаю голову ему на плечо и радуюсь отсутствию плотного мундира, которому томлинец предпочел теплый, но тонкий свитер. Потому и ощущения мои куда более явные, контрастные. Подъем и опускание груди вслед за дыханием. Негромкий стук сердца. Непривычный запах медикаментов, миоцы и еще чего-то незнакомого, от которого кожа покрывается мурашками.

– Вам холодно? – беспокоится Тогрис.

Он не видит моего лица, но и разжимать рук, чтобы меня отстранить, не хочет. Потому голос звучит над виском, дыхание шевелит волосы и щекочет. Однако все, что усиливает притяжение, меня сейчас более чем устраивает.

– Нет, это у меня на вас такая реакция, – хихикнув, признаюсь и спохватываюсь: – А разве у вас это первый опыт? Я имею в виду формирование влечения у девушки? Или раньше все происходило само собой и вы никогда активного участия в этом не принимали? Вам только сбивать спонтанно возникшие привязки приходилось?

– Кр-хгм... – Из горла мужчины вырывается такой своеобразный звук, что я не удерживаюсь и, пусть на пару секунд, но жертвую ощущениями ради информации. То есть отрываю голову от груди, чтобы увидеть выражение лица.

Ошалевшее, надо признать. От моей прямолинейности, надо полагать. И бесцеремонности, надо думать.

Вот только меня эта тема на самом деле ничуть не смущает. Я же понимаю, что мужчина он взрослый и в отличие от моего брата причин блюсти целибат не имел точно.

– Если не хотите, можете не отвечать, – разрешаю, возвращая голову на место.

– Дело не в сложности признания для меня, – наконец обретает способность говорить Тогрис, – а в том, будет ли вам приятно его слышать. Ваше любопытство, учитывая возраст, понятно и объяснимо, но о последствиях вы вряд ли задумываетесь.

– Не вижу в этом проблемы, – в очередной раз с ним не соглашаюсь, однако решаю на этот раз проявить строптивость. Мне интересно, как он отреагирует. – Ревновать вас глупо, учитывая ваш возраст, – возвращаю томлинцу его же слова. – Так что я совершенно спокойно отнесусь к любому количеству влюбленных девушек, от настойчивого внимания которых вы предпочли отказаться.

И все же вместо признания Тогрис предпочитает уйти от ответа, сделав мне очередной комплимент:

– Вы удивительная, Идилинна. Я с каждой минутой все больше убеждаюсь в том, насколько сильно мне повезло, что вы меня выбрали.

Приятно, конечно, но все же хотелось бы иного. Ну да ладно, успею еще выяснить. Не в этот раз, так в следующий.

Найду способ. А пока придется найти более безобидную тему для разговора.

– Тогрис, расскажите мне о вашей семье. Я вам много говорила о своей, а о вашей имею только официальные сведения. Это нечестно!

– На самом деле мне нечем вас удивить, – сокрушается томлинец. – Вряд ли я скажу что-то вам неизвестное. Мой отец правит Томлином уже шестой десяток лет, после смерти деда. У меня пять сестер: три старшие и две младшие. Четверо из них имеют семью. Мужа самой старшей, Даграны, вы как раз видели сегодня – его зовут Рил, он мой телохранитель.

Насчет «вряд ли» он точно погорячился. О личности сопровождающего принца томлинца я ничего не знала. А вот о сестрах в новостях писали много. Все же пусть они и не имеют права наследования престола, но родились в королевской династии с сильными расовыми признаками. Ну а то, что их так много... Так ведь в большинстве миров империи перевес рождаемости девочек – стандартное явление. Особенно на планетах, где площадь суши намного больше по сравнению с водными просторами. Найти объяснение этой закономерности пока никто не может, но на Томлине как раз воды очень мало.

– Королевский замок построен в очень удачном месте, – между тем продолжает рассказывать Тогрис, – на плато, открытом ветрам всех направлений. С него краги взлетают увереннее, чем с песчаной низменности. Сейчас, конечно, это

уже не столь важно – после вступления в состав Объединенных территорий мы импортируем много техники. А вот раньше, когда краги были единственным средством передвижения, да еще и не самым многочисленным, их наличие имело принципиальное значение. Теперь же они остались как приятное развлечение и память о прошлом, о нашей истории. На них летает только элита.

– А у нас все летают на жиралях. И на агралях плавают, это еще один подвид птиц-ралей. Они все очень похожи внешне, только ногами различаются, ну и, соответственно, способом передвижения, – не удерживаюсь я, почувствовав, что мой собеседник готов замолчать. – Тогрис, знаете, что я подумала? Вы ведь никогда не плавали по большим открытым водным просторам. Давайте завтра устроим морскую прогулку? Вам будет весело, обещаю!

Я отстраняюсь, чтобы увидеть на лице Тогриса радость и воодушевление, ведь предложение на самом деле замечательное. Однако вместо этого в глазах томлинца ясно читаю смятение. Ему и отказывать мне не хочется, и соглашаться тоже... Но почему?

Наверняка мимика у меня в этот момент очень выразительная – цу'лЗар вздыхает и признается:

– Идилинна, я не хочу, чтобы вы видели меня... ущербным. Беспомощным. Мне ведь самостоятельно даже не перебраться с кресла на эту самую аграль. Вернее, я смогу, конечно, ползти, но выглядеть это будет... неэстетично.

– Я понимаю, вы правы, – признаю, мысленно укоряя себя за то, что не подумала о его самолюбии. Для мужчины, особенно привыкшего быть сильным, показаться слабым – настоящее унижение. – Но прогулка все равно состоится, когда вернетесь на Вион здоровым и на своих ногах. Договорились?

– Договорились, – соглашается Тогрис.

Легко соглашается. Уверенно. Значит, взял себя в руки, успокоился, обрел потерянную уверенность относительно будущего. Отличный результат! Мне очень нравится итог нашей встречи... Нет, свидания! Именно так, потому что я все же получила самое главное – понимание, насколько мне рядом с томлинцем хорошо. Приятно, когда его руки не слишком смело, с невероятным трепетом касаются открытых участков кожи, а потом столь же осторожно помогают встать. Радостно от счастья, с которым на меня смотрят оранжевые глаза. Волнующе-тревожно в преддверии завтрашнего дня, ведь прежде чем вернуться со своим телохранителем Рилом в гостевые покои дворца, оставив меня на попечении фрейлины и брата, Тогрис пообещал мне сюрприз.

Теперь я жду его с огромным нетерпением. Что же это будет?

Если в жизни повод яркий, должен ты дарить...

Подарки.

– Идилинна, вам все подходит. Белое хорошо гармонирует

с синими волосами, потому как на нем отделка им в тон. Голубое за счет фактуры ткани делает вас очень нежной и невестомой. Темно-синее более плотное, зато хорошо подчеркивает светлый тон кожи...

– Вария! Ты мне совсем не помогаешь! Я все это и так знаю! Мне нужен другой совет. Что понравится Тогрису? – тоскливо тяну, закатывая глаза к мозаике на потолке. Хорошо освещенной, потому что Адапи уже давно встало и даже неуклонно ползет к зениту. А я еще платье не выбрала!

– Но ведь я незнакома со вкусами вашего избранника, – виновато извиняется фрейлина. – И мне трудно предсказать...

Закончить не успевает. Обрывая ее, со спины раздается громкий голос моей мамы:

– Зато я знаю, кто знаком и кому будет совсем не трудно!

Я в отражении зеркала вижу, как она стремительно заходит в комнату. Миниатюрная, привычно уверенная в себе, одетая в ярко-желтое платье в пол, юбка и корсаж которого украшены вышивкой синим растительным орнаментом – этакий компромисс между предпочтениями моего отца и личными симпатиями мамы.

А вот следом за ней появляется еще одна личность, мне незнакомая и очень необычная. Потому я оборачиваюсь не менее быстро и теперь с любопытством рассматриваю молодую девушку, вероятнее всего, мою ровесницу.

Она даже роста со мной одинакового и телосложения по-

хожего, разве что лицо более круглое. Однако вполне симпатичное. Взгляд светло-оранжевых глаз доброжелательный, изгиб полных губ красивый, я бы даже сказала чувственный, носик чуть вздернутый. Песочного цвета коса, перекинутая через плечо на грудь – толстая, с вплетенной в нее атласной желто-зеленой лентой. На платье, кстати, такого же цвета и фактуры вставки, придающие скромному темно-серому наряду более свежий и нарядный вид.

– Знакомьтесь, девочки, – мама времени даром не теряет, – это Рильмина. Она – томлинка, как нетрудно догадаться. Мало того, очень хорошо знакома с цу'лЗаром, потому что... – Она многозначительно замолкает и выразительно смотрит на свою протеже, показывая, что та может продолжить сама.

– Потому что мой брат женат на его старшей сестре.

Голос у девушки тоже приятный. Не такой мягкий и певучий, как у Вари, а звонкий, уверенный. Чувствуется, что по характеру томлинка побойчее вионки. Контраст между ними разительный.

– Вашего брата зовут Рил? – В памяти моментально всплывают детали вчерашнего разговора. Да и имя у девушки явно перекликается с именем телохранителя Тогриса.

– Верно, – улыбается Рильмина. На щеках появляются очаровательные ямочки, а в глазах задорный блеск. – Это была прихоть родителей – назвать всех своих детей так, чтобы первые сочетания букв были одинаковыми. У меня есть

еще одна старшая сестра Рилиона и младший брат Рилан.

– Как интересно, – тоже не удерживаюсь от улыбки. Новая знакомая мне нравится своей непосредственностью и, наверное, тем, что многое знает о Тогрисе. Ну не может она, состоящая пусть и не в кровном, но все же родстве, да еще и с таким темпераментом, не интересоваться жизнью принца – будущего короля и императора.

– Мы с папой посоветались, – вновь вмешивается родительница, – и решили, что Рильмина замечательно подходит на должность твоей второй фрейлины. С ее родственниками мы договорились. Она будет готовить тебя к жизни на Томлине. Надеюсь, Идилинна, ты это оценишь.

Ну вот. Мама все же добилась своего. А ведь я все эти годы старательно гасила ее порывы снабдить меня второй наперсницей. Да, мама чуть ли не каждый месяц вспоминала, что Вария со своими обязанностями не справляется. И все равно я сумела сохранить за подругой право быть единственной приближенной.

С другой стороны, это любую другую вионку я воспринимала как угрозу нашей паре – дружной и понимающей друг друга с полуслова, а томлинка, вполне вероятно, будет хорошим дополнением. И главным образом из-за своей осведомленности и живости. Последнего мне в Варию очень не хватает.

Надо отдать Рильмине должное – к своим обязанностям она приступает сразу. Причем настолько качественно, что,

когда я вхожу в парадный зал для торжественных встреч, сидящий в кресле Тогрис, едва взглянув на меня, теряет дар речи. Он даже на вопрос моего отца, который тот как раз задал, не смог ответить, лишь растерянно приоткрыл рот. Папа, кстати, тоже замер и про разговор забыл. На его губах появилась слабая улыбка, а взгляд скользнул на маму, которая, несомненно довольная реакцией будущего жениха, одобрительно улыбнулась.

Мне тоже нравится произведенный эффект. Честно говоря, даже не думала, что именно это платье так понравится томлинцу. Сине-зеленое, лишь немного светлее костюма, который выбрал для себя мужчина. Получается, Рильмина знала, как сегодня одет Тогрис? Вероятнее всего, просто видела. Потому что прибыла во дворец в составе томлинской делегации, а ко мне пришла, когда официальная часть встречи действующего и будущего императоров уже начиналась.

С моим появлением церемония завершилась, именно поэтому приглашенные на прием гости незаметно начали покидать зал. Остались немногие приближенные: вице-король, пять министров, их жены, несколько молодых вионцев и девушек.

От невольного вздоха я не удерживаюсь. Как и от сочувственного взгляда в сторону опустившей глаза в пол Вари. Ну да, Ларилина тоже среди гостей. Мало того, она еще и под руку с Ваймоном стоит. Улыбается, что-то ему рассказывает...

Брат недовольства не выказывает, но и счастьем не светится. Он все эти годы соблюдал нейтралитет по отношению к обеим девушкам. Не провоцировал, но и не отталкивал. И о своих чувствах ни словом не обмолвился. Мне тоже пришлось молчать. Любовь брата это не моя тайна, не имею я права ее разглашать. Даже подруге.

– Идилинна! Подойди же к нам. Или ты так и будешь стоять у дверей?

Голос отца заставляет вспомнить о цели визита, и я тут же забываю о брате. У меня свои проблемы, а он пусть занимается своими.

К сидящему в кресле Тогрису ноги меня несут быстрее, чем голова успевает вспомнить, что сначала я все же должна приветствовать отца. Спыхватываюсь совсем поздно, когда руки столь же бесконтрольно протягиваются к томлинцу.

Однако папа от нотации воздерживается. Хмыкает, понимающе усмехается и только машет рукой. Типа общайтесь, я не против.

Легкое, практически целомудренное пожатие пальцев быстро превращается в тесный плен, из которого мне совсем не хочется убегать. Я даже не сразу понимаю, что Тогрис тянет меня вниз, вынуждая сесть с ним рядом на невесть откуда взявшееся кресло.

– Вы ведь не передумали? – одними губами, едва слышно спрашивает. А во взгляде волнение, готовность принять любое решение, отступить.

– Нет, конечно, – серьезно отвечаю, хотя рот так и норовит растянуться в улыбке. Какой же Тогрис милый! Даже эта неуверенность характеризует его с лучшей стороны – он ведь о моем счастье думает!

– Через три недели у меня день рождения, – воодушевленный моим постоянством, теперь уже намного громче говорит томлинец. – Но, поскольку в это время меня уже не будет на Вионе, я хочу сделать вам подарок сейчас.

Ах, так вот о каком сюрпризе он говорил!

Я едва не подпрыгиваю от нетерпения в ожидании, когда еще один томлинец, видимо, помощник, которому Тогрис выразительно махнул рукой, принесет мне украшенную шкатулку. Или коробку. Или контейнер... Хм... Я ведь на самом деле понять не могу, что это за предмет. Для украшений великоват, для какой-нибудь одежды определенно мал, для хранения личных мелочей излишне броский, а для учебных предметов и техники он просто неудобен.

Стараясь не выдать своего недоумения, осторожно снимаю украшенную замысловатой вязью и сверкающей инкрустацией крышку. Заглянув внутрь, теряюсь окончательно: практически весь объем занимает желто-коричневый... кусок камня, не иначе. Грубо обработанный, шероховатый, неровный. И наверняка очень тяжелый. Вон с каким трудом томлинец поставил его на торопливо придвинутый кем-то столик.

Может... Может, это для броска в воду? Такой камушек

точно большую воронку создаст. Разумеется, при условии, что кое-кому сил хватит отбросить его подальше от берега.

– Это яйцо крага, – разрушает все мои домыслы Тогрис. – Если он вылупится и будет расти рядом с вами, то станет послушным и управляемым. Эти ящеры привязываются к одному седоку и очень неохотно принимают чужаков, так что вам нужен личный краг. Я понимаю, на Вионе громоздкий питомец – не самый удачный вариант. Но они долго растут. Через пять лет этот малыш будет еще некрупной особью. Хотя двоих, а то и троих поднять в воздух сможет. А после свадьбы он вместе с нами полетит на Томлин.

– Как здорово! – восторженно откликаюсь я, осторожно укладывая ладони на шершавую поверхность. На удивление теплую и живую. По ощущениям она даже подрагивает, хотя внешне этого совсем не видно. – А как за ним ухаживать? Чем кормить? Расскажите? – спохватываюсь, сообразив, что, кроме названия, по сути, ничего об этих животных не знаю.

– Вам не о чем волноваться, Идилинна, – успокаивает Тогрис. – И мои советы вряд ли понадобятся. В вашем окружении есть тот, кто прекрасно знает, как растить крага, и поможет в дрессировке.

Мои пальцы вновь оказываются в сильных ладонях. На этот раз мужчина сам проявляет инициативу и это поднимает в душе новую волну нежности. Как же приятно чувствовать, что ты желанна! Я даже на последнюю фразу не сразу внимание обращаю, а когда рядом почему-то оказывается

Рильмина, смотрю на нее с недоумением. Фрейлину я к себе не звала.

И лишь когда Тогрис продолжает, меня осеняет, кого же он имел в виду.

– Моя протезе – одна из лучших наездниц. Она со всем справится и воспитает для вас отличного крага.

Протезе?

Я хлопаю глазами, растерянно переводя взгляд с лица избранника на новую наперсницу и обратно. На губах Тогриса легкая покровительственная полуулыбка, выражение глаз спокойное, мягкое. Томлинка же улыбается широко и смотрит на него задорно, мне даже на мгновение показалось с вызовом. Впрочем, нет, наверное, я ошиблась. Это больше похоже на предвкушение и азарт. Она рада новой должности и готова доказать, что с легкостью выполнит возложенные на нее обязанности.

– От лица нашей семьи позвольте выразить вам благодарность за честь, оказанную моей сестре, – отвлекает меня от изучения незнакомый мужской голос.

Я вынужденно сосредотачиваю внимание на стоящем слева телохранителе Тогриса. Теперь, зная о нем куда больше, смотрю на него иначе. На свою сестру он очень похож. Такой же круглолицый, с песочного цвета волосами, заплетенными в короткую косичку. Разве что бледно-оранжевые глаза смотрят серьезно и озабоченно.

Его что-то волнует? Может, он не так уж сильно хотел,

чтобы сестра улетала с Томлина? Почему?

– Пять лет, которые Рильмине предстоит жить на Вионе, – долгий срок. За это время ее расовые способности угаснут. И восстановятся не скоро, – высказываю догадку, о которой в суматохе подготовки к встрече даже не задумалась. – Ваша сестра идет на риск, и это заслуживает высокой оценки и благодарности.

– Для нашей семьи нет ничего превыше служения своей династии и империи. И ваше благополучие важнее способностей Рильмины.

Говорит Рил уверенно, не чувствуется в его голосе колебаний или сомнений. Значит, мое предположение все же неверно и причина иная. Но какая?

Теперь я еще внимательнее наблюдаю за своим окружением, стараясь ничего не упустить и получить максимум информации. Завтра ни Тогриса, ни Рила здесь уже не будет, поэтому довольствоваться придется исключительно признаниями Рильмины. Уж я постараюсь добиться от нее откровенности. А пока... Пока ловлю каждое слово, каждый жест, которые позволяют себе мои собеседники.

– Мне обещали ошейник, то есть украшение из томлитонита. Он прекрасно компенсирует отсутствие способностей. Я на пару с молодым крагом буду щеголять в «колье».

Язвит девочка. То ли брата провоцирует, то ли своего покровителя.

Все же Тогриса, потому что, отвечая, именно он недовольт-

но морщится, словно от зубной боли.

– Прекрати, Рильмина. Хватит сравнивать себя с животным.

– Помогая Идилинне, ты приносишь пользу всему Томлину, – добавляет Рил, и понятно становится, что он как раз на стороне принца.

– С меня было бы достаточно пользы, которую я хотела принести одному томлинцу, – фыркает Рильмина. – Увы, он ее не оценил.

Упрек? Упрек. Вопрос: кого же под этим самым «томлинцем» она имеет в виду?

Тогрис равнодушно смотрит на свою протее и молчит, а вот его телохранитель сестру отчитывает:

– Ты прекрасно сознавала последствия своего решения. Поздно показывать характер.

– Сама разберусь. Ладно хоть поводок не выдали. И намордник не надели.

Резко. Грубо. Видимо, довели девочку. Хорошо, что мои родители этого не слышат, они у затянутого трипслатом прозрачного проема с вице-королем и его женой беседуют. А вот Тогрис определенно сердится.

– Вы заставляете меня жалеть о проявленной по отношению к вам лояльности, фисса Рильмина!

Голос суровый, жесткий, со мной он так никогда не разговаривал. И, кстати, на официальное обращение перешел, устанавливая дистанцию, которой раньше в их отношениях

точно не было.

Удивительно и другое – агрессивный запал томлинки тут же исчезает. Она пугается, понимая, что перешла какую-то черту. Опускает глаза в пол и тихо извиняется:

– Простите, ферт. Это все переживания из-за разлуки с семьей, домом. Я буду очень скучать... по Томлину.

Кажется, Тогриса ее ответ не совсем устраивает, особенно заминка перед последним словом, но на этом конфликт он считает исчерпанным. Кивает Рилу, позволяя отступить, и взмахом руки отправляет фрейлину к диванчику у стены, на котором скромно присела Вария.

– Идилинна, надеюсь, вас не сильно расстроила эта некрасивая сцена? Рильмина замечательная девушка, надежная, умная, образованная, из хорошей, уважаемой на Томлине семьи. Да, не всегда думает, прежде чем говорит, но потом ей самой становится стыдно за свою несдержанность.

Моей ладони нежно касаются пальцы мужчины, и я наконец прекращаю изучать неспешно удаляющуюся девичью фигурку, возвращаясь взглядом к принцу. В его глазах снова лишь забота и волнение, а голос настолько обволакивающе мягкий и уютный, что мне, невзирая на присутствие свидетелей, хочется, как вчера на смотровой площадке, пересесть к нему на колени и оказаться ближе. И все же я остаюсь на месте. Лишь протягиваю томлинцу и вторую руку, показывая, что уж на этот контакт сегодня он точно может рассчитывать в полной мере.

– Я доверяю вашему выбору, ферт Тогрис. Вы несомненно действуете в моих интересах. И в интересах империи.

А что еще я должна была сказать? Укорять принца в том, что он навязал мне девицу, не соблюдающую правил субординации? Ссориться перед расставанием, а потом долгие месяцы, а то и годы мучиться? Проще уж сделать вид, что меня все устраивает, и найти общий язык с Рильминой. В конце концов, она ведь не моя нянька. И даже не наставница по этикету. Всего лишь компаньонка и воспитатель крага. Вот кому-кому, а ящерицу до деликатности обращения точно не будет никакого дела. Боюсь, как бы, наоборот, не пригодилась резкость томлинки. Какое-то у меня нехорошее предчувствие, что другого тона краг просто не воспримет...

Всех покоряет вновь и вновь большое чувство с именем...

Любовь.

– Драк! Ты... Ты безмозглая скотина! Ты вообще в курсе, сколько за свои несчастные полгода жизни сожрал жиралей? Хотя бы чередовал их с агралами! Ах, ну да! В гидрариуме же мокро! Туда твоя благородная сухая шкура лезть не намерена!

Рильмина, задыхаясь от возмущения, читает нотацию крагу, который при нашем появлении прекратил жевать и прижался к земле, делая вид, что его тут нет. Увы, пытаться слиться с зеленой травой для ящерицы песочного цвета за-

нятие бессмысленное. Наверное, поэтому малыша не хватает надолго. Он фыркает, встряхивает шипастой головой, избавляясь от перьев, прилипших к мордочке, и, наступив лапой на изодранное тельце, вновь принимается за пиршество. Возможно, он просто понял, что, кроме выговора, никакого наказания не получит?

Ему ведь не впервой в аэрариум наведываться. Причем он постоянно изобретает новые пути проникновения, и попытки изолировать жиралей оказываются бессмысленными. Первый раз банально прошмыгнул незамеченным между ног зрителей, когда те закрывали загон на ночь. Утром шесть тушек лежали бездыханными – съесть Драк успел лишь одну, и то частично, потому как сытый был. Его ведь кормят до отвала.

Естественно, после этого следить за дверьми стали тщательнее. Не помогло. Краг подкоп сделал. Потом еще один, в другом месте. Когда нижнюю часть загона углубили, забрался по вьюнам, оплетающим стены, и влез в оконный проем под крышей. Пришлось и этот путь закрывать решетками.

Преграда не остановила охотничий азарт крага, который вошел во вкус. Он как раз летать начал и самым наглым образом при свете дня и на глазах у всех завис над крышей, а потом всей массой (которая, несмотря на небольшой размер, была не так уж мала) рухнул вниз. Перекрытие, само собой, не выдержало, в отличие от шкуры крага, на которой не осталось ни царапины. О сохранности не успевших взле-

теть жиралей можно ничего не говорить. Как и о том, что из моей спальни Драк, которого пришлось там поселить, чтобы он ко мне привык, исчезает не менее изобретательно. Вот вчера, например, когда мы спать ложились, ящер безмятежно сопел в своем углу. При этом утром его там не оказалось, несмотря на закрытые двери и окна. Как он выбрался, осталось загадкой. Впрочем, пока невыясненным был и способ, которым Драк проник в аэрариум. На первый взгляд никаких разрушений в нем нет.

Недоумение наше длится недолго.

– Конвейерная труба для подачи корма, – вздыхает остановившийся рядом смотритель загона. – Он в нее как-то втиснулся. Похоже, всю ночь лез. А защитную решетку своей массой выдавил. Придется и ее укреплять.

– Если он будет есть с таким аппетитом, то не придется. В следующий раз он там застрянет, – рассудительно замечает Вария.

– Хорошо бы понять, почему его к жиралам так тянет, – подхватывает Ваймон.

– У него к ним любовь. Неистребимая, – хмыкает Рильмина.

– Но ведь ты говорила, что на Томлине никаких других животных нет. И краги питаются, обкусывая мясистые плоды растений. Откуда тогда такой сильный охотничий инстинкт? – не выдерживаю я.

– Понятия не имею, – пожимает плечами томлинка. – Мо-

жет, когда-то давно животные были? И краги их всех пожрали? А потом вынужденно на другую пищу перешли.

М-да... Хорошо что не на самих томлинцев. Похоже, двуногих наездников краги рассматривают как несъедобных. По крайней мере, Драк никого из нас ни разу не попытался уку- сить даже играючи.

– Ну и что нам делать? – в который раз пытается найти решение Ваймон. – Может, все же на цепь посадим?

– И все испортим, – уверенно отвечает Рильмина. – Краги больше всего на свете личную свободу ценят. Закрытые помещения еще переносят, если рядом с ними будущий наездник, а в остальном... Стоит один раз его ограничить, и все. Больше никого к себе не подпустит. Никогда.

Несколько минут мы молча смотрим, как Драк, жмурясь от удовольствия, с аппетитом глотает мясо и шевелит толстым у основания, коротким хвостом, покрытым роговыми пластинами. А потом умиротворенно отрыгивает, переступая коротенькими ножками. Смотрит на нас ярко-желтыми глазами с узким вертикальным зрачком, останавливает взгляд на мне, издает совершенно милое «ур-р-р» и уверенно подходит, чтобы... Ну да – вытереть свою наглуую, перепачканную в крови и перьях мордочку о мою юбку. И решительно улечься в траву... Спать. Устал от непосильных трудов, видимо.

– Ольс, – я разворачиваюсь к зрителю, – пожалуйста, отнесите Драка в мои покои. А я к папе пойду. Попробую

уговорить его временно отправить большую часть жиралей в Вагдрибор. Легче будет следить за сохранностью оставшихся.

– Вам сменить платье нужно, – мягко напоминает Вария.

– Непременно, – соглашаюсь, кивая фрейлинам. – Идемте.

– Подожди, Идилинна, – останавливает меня Ваймон. – Тебе же достаточно помощи одной Рильмины? Мне с Варией нужно поговорить.

Вот как? Интересно, о чем? И почему так срочно?

Вспоминаю, что брат утром сам заглянул к нам в спальню, чего раньше никогда не делал. Наверное, как раз и хотел попросить о личной беседе. Вот только исчезновение Драка нас отвлекло. Ну а в том, что наперсница не в курсе, я даже не сомневаюсь – на ее лице удивление не меньшее, чем у меня. Впрочем, причин для отказа я не вижу, поэтому разрешаю:

– Хорошо. Идем, Рильмина.

Томлинка, в глазах которой светится неприкрытое любопытство, послушно следует за мной, оглядываясь на оставшуюся пару. Однако едва мы оказываемся вне зоны видимости и, соответственно, слышимости, останавливается.

– И что? Вот так просто уйдешь? – несдержанно восклицает она.

– Разумеется. – Мне тоже приходится остановиться. Я за время знакомства с Рильминой уже не раз убедилась, что ее упрямство границ не имеет. И проще выслушать все сразу,

чем потом получать отдачу маленькими порциями.

– Разве ты не хочешь узнать, что задумал твой брат?

– Зачем? – пожимаю плечами. – Вария вернется и все нам расскажет.

– А если скроет правду? Или скажет, но не все? – не сдаётся фрейлина.

– Значит, так нужно. Она в состоянии самостоятельно принимать решения.

– Ладно, – отвечает томлинка тоном, пропитанным несогласием. – Но я бы на твоём месте все же подслушала.

– Это неэтично, – продолжая путь, я отворачиваюсь и стараюсь скрыть улыбку, потому что вспоминаю, как сама однажды именно так поступила. Правда, не совсем по собственной воле.

– Зато информативно, – бурчит Рильмина у меня за спиной.

Я ее не слушаю. Поднимаюсь по лестнице в свою новую комнату. Из маленькой спальни, которую мы столько лет делили с Варией, пришлось переселиться в более просторное помещение, где и столовых хватило на нас всех, и комнат для гигиены. Мне здесь нравится меньше, но, увы, иного варианта нет. Жить отдельно я не могу. Ни из-за фрейлин, ни из-за питомца.

Шагнув на гладкое белоснежное покрытие, первым делом бросаю взгляд в ближайший угол, куда Ольс укладывает ящера, которого нес на руках. Драк спит, свесив лапы и голо-

ву. Даже язык высунул. Ему сейчас безразлично, что именно с ним делают, однако он прекрасно чувствует, что вокруг происходит. И тут Рильмина права: если я уйду и дверь закрою... Проблем потом будет выше головы. Кстати, к моему отсутствию при открытых дверях краг относится спокойно. Странное животное.

Вария отсутствует долго. Я успеваю и переодеться, и побывать у отца, и проведать маму, которой врачи, опасаясь за ребенка, посоветовали больше времени проводить в постели. Состояние мамы кажется им не самым благополучным, хоть шел всего второй месяц беременности.

В общем, я уже к себе возвращаюсь, а моя вторая фрейлина все еще гуляет под руку с Ваймоном по дворцовому парку. С открытой террасы-коридора третьего этажа их прекрасно видно. И я, нетерпеливо меряя шагами комнату, даже жалеть начинаю, что не послушала совета Рильмины. О чем так долго можно говорить?

Мое состояние томлинка чувствует. Смешливо фыркает, однако прежде чем успеваю высказаться, я прячусь в столовой. Хватит с меня ее провокаций! А то ведь, не ровен час, действительно рвану в парк, отыскивать возможность подслушать.

В комнату мы с Варией возвращаемся одновременно. Я – сытая и сгорающая от любопытства, она... Она потерянная. И на глазах слезы.

– Что случилось? – пугаюсь, бросаясь к ней и хватая за

плечи. – Он тебя обидел?

Фрейлина молчит, избегая смотреть на меня, но головой отрицательно качает. Не обидел. Ладно. Тогда что?

Обняв Варию, усаживаю на свою кровать, которая оказывается ближе всего. Глажу по голове, успокаивая и пытаюсь разобраться в причинах ее состояния. Что, надо честно признать, оказывается сложным делом. Не потому, что она говорить не хочет. Просто каждое слово дается ей с трудом. А уж связанными фразы можно назвать весьма условно. Мне приходится постараться, чтобы сложить из них цельную картину. В итоге получаю следующее: сначала Ваймон пытал Варию на предмет чувств к нему, а потом и сам признался, что любит.

– Я в обморок чуть не упала, – сквозь всхлипы лепечет подруга. – Думала, он просто терпит меня и ждет, когда привязку... можно будет сбить. А он...

Ну, братик, удивил. Что же ты так внезапно разоткровенничался? Неужели Ларилина пошла в наступление? Других причин я не нахожу, скорее наоборот, вчерашний визит вице-короля во дворец становится понятным. И твое мрачное настроение после посещения. Обсуждали свадьбу, по всей видимости.

Правда, все равно непонятно, чем Вария, то есть ее осведомленность, тебе поможет. Против воли родителей ты не пойдешь и стать женой ей не предложишь, а официально признать своей фавориткой не сможешь, пока она несовер-

шеннолетняя... Стоп!

– Что он попросил? – спрашиваю прямо, потому что только в ответе на этот вопрос и может крыться причина состояния девушки.

Фрейлина снова всхлипывает, комкая воздушную ткань юбки, бросает на меня быстрый затравленный взгляд и с не меньшим опасением смотрит на томлинку.

Ясно. Брат затеял какую-то авантюру и потребовал поклясться, что Вария никому не проговорится. Наверняка даже мне.

И все же я не сдамся.

– Рильмина?.. – выразительно смотрю на присевшую на диван у окна наперсницу.

– А что я? – изумляется та, округляя глаза. Несколько секунд непонимающе хлопает светлыми ресничками, а когда до нее доходит, в чем причина, обиженно восклицает: – Девочки, ну вы чего? Я ничего никому не скажу! Зачем мне кого-то подставлять? Я и сама в такой же подвешенной ситуации. И честно вам все рассказала. Ничего не скрыла. А ведь это тоже был секрет!

Верно. Рильмина, может, и кажется грубовато-прямолинейной, зато говорит то, что думает. Когда я спросила про привязку к некоему томлинцу и поинтересовалась, уж не к Тогрису ли, она с легкостью это подтвердила. Даже не попыталась уйти от ответа. Хотя, в общем-то, могла и не признаваться – реальных доказательств никаких, лишь косвенные

признаки. Мало того, томлинка и своих дальнейших планов не скрыла, совершенно открыто заявив, что ждет не дождет-ся совершеннолетия, чтобы возникшее влечение убраться.

– Я дорадой была, когда, узнав про ранение Тогриса, упростила брата взять меня с собой! – сердито делилась с нами своими мыслями фрейлина. – И если до этого чувствовала к ферту лишь легкую симпатию и заинтересованность, то несколько месяцев, проведенных у его постели, окончательно меня в него влюбили. Теперь сама этому ужасаюсь, знаю же, что он на мне не женится. А я женой быть хочу!

Откровениям я не слишком удивилась. Ожидаемо, да. Потому с легкостью поинтересовалась, не предлагал ли ей Тогрис после совершеннолетия стать его фавориткой.

– Щас, – язвительно хмыкнула в ответ Рильмина. – Принц в этом качестве меня даже не рассматривает. Никого не рассматривает. Знаешь, сколько у него неофициальных любовниц? Когда мой брат за Даграной ухаживал, мы во дворце некоторое время жили. Так вот, почти каждую ночь в покои Тогриса новая девица наведывалась. Желающих попытать счастья и поймать будущего короля не так уж мало. А он этим пользуется.

Последнюю фразу я пропустила мимо ушей. Во-первых, девочка, даже если осознает, что перспектив никаких, все равно ревнует того, к кому ее тянет. Я вот, например, точно это чувство испытываю. Сдерживаю, контролирую, но... Хотя Тогрис мне и не муж, наличие любовниц все равно непри-

ятно и хочется, чтобы другие женщины держались от него подальше. Так что я вполне допускаю некоторое преувеличение в словах Рильмины относительно количества любовниц и намеренных провокаций со стороны Тогриса с целью образования привязок. Во-вторых, меня бы куда больше оскорбило, веди себя принц иначе. То есть если бы он отказывал бедняжкам, получившим к нему привязку. Это же жестоко – заставлять их мучиться долгие годы, пока влечение само собой сойдет на нет. Потому и Рильмине я в большей степени сочувствую, чем сержусь на нее. Жалко девочку. Вместо того чтобы добиться взаимности свободного мужчины, она будет вынуждена ждать два года, прежде чем наконец избавится от своего желания с принцем переспать и сможет снова влюбиться.

– Он полагал, что Ларилине все же надоест ждать и она от свадьбы откажется...

Ой! Я увлеклась воспоминаниями и упустила момент, когда Вария решила открыть нам чужую тайну. Потому навоюстрияю уши.

– ...а она не отказывается, – продолжает фрейлина. – И вчера вице-король потребовал назначить дату свадьбы. Причем в обозримом будущем, а не эфемерно далекую.

– С чего такая срочность? – перебивает ее Рильмина.

– Ваймон не уверен, но полагает, что это из-за угасания привязки. Ларилина уже десять лет как совершеннолетняя, а влюбилась-то за год до этого. Наверное, она испугалась, что

еще немного и сама уже танцевать не захочет. Вот и заторопилась.

– Ну а ты чем ему поможешь?

Теперь уже я не выдерживаю, потому что фрейлина надолго замолкла, ушла в себя. Мое нетерпение и недоумение понять легко: жена вице-короля (а я уверена, что именно она озаботилась пошатнувшимися перспективами будущего дочери и подтолкнула мужа) умеет прилипнуть крепче, чем ик'лы. Разве что с кожей отодрать получится. Так что у Ваймона никаких шансов не осталось. Тем более мои родители на стороне будущей невесты.

– Я могу подтвердить, что готова после совершеннолетия стать его фавориткой, – тихо признается Вария. – Это даст Ваймону еще два года отсрочки.

Логично. Правильно мыслит братик. Иметь в семье и жену и фаворитку мужчине законы империи позволяют. Но официальная любовница должна появиться до свадьбы, после это уже невозможно. Как невозможно и признать фавориткой девушку, не достигшую половой зрелости.

– А дальше? – округляет глаза Рильмина. – Если это не сработает, ему все равно жениться придется, а ты подобным обещанием себе всю жизнь испортишь. Раз Ваймон признался, что тебя любит, значит, на свадьбе будет и с тобой танцевать тоже. После этого ты навсегда с ним будешь связана. И в его семье останешься. Думаешь, Ларилина станет к тебе хорошо относиться?

– Я люблю его... – вместо ответа всхлипывает Вария, закрывая ладонями лицо.

Понятно. Согласилась.

Томлинка закатывает глаза к потолку, качая головой и беззвучно ругаясь. Мне тоже хочется последовать ее примеру, однако вместо этого я придвигаюсь к подруге и обнимаю ее, в который уже раз принимаясь успокаивать:

– Ты все правильно сделала. До совершеннолетия можешь давать любые обещания, они все равно не будут считаться законными. И никто тебя обязать их выполнить не сможет. Потом откажешься, скажешь, что передумала...

В последнее мне самой не верится. У Варии чувство долга и ответственности зашкаливает, и если бы Ваймон ее не любил, возможно, ее согласие было бы действительно временной поддержкой. Но он-то любит, а она к этому чувству относится очень серьезно. Знает, что мужчинам влюбиться сложнее. Как и разлюбить. У них влечение на психологическом уровне развивается, а не на банальной физиологии, как у женщин.

У ее отца была такая несчастная любовь до встречи с мамой Варии. Ему не повезло. Он влюбился в девушку, имеющую привязку к другому. А тот ее фавориткой сделал и, когда женился, оставил в своей семье, не отпустил. Отец Варии долго не мог забыть первую возлюбленную. И жениться ему пришлось без любви. Потому и ребенок у них единственный и очень поздний.

– Мне кажется, ты должна Ваймону прямо сейчас сказать, что твое обещание фиктивное и ты не станешь его фавориткой. – Рильмина сводит на нет все мои усилия. Варию сейчас нужно просто поддержать, дать время успокоиться, чтобы могла мыслить разумно – она же на эмоциях. А томлинка своей прямолинейностью лишь усугубила ее состояние.

– Не фиктивное! – возмущенно восклицает вионка. – Стану, если будет нужно! Я его не предаю! И не... не откажусь... – Она снова плачет, упав лицом мне на плечо.

– Как есть дорада... – сердито бурчит Рильмина, откидываясь на спинку дивана.

– А ты не дорада, – напоминаю ей ее же слова.

– Дорада, – соглашается томлинка. – Однако умею разделять то, что хочу здесь, – она кладет ладонь на низ живота, – от того, к чему стремлюсь здесь, – теперь указательный палец другой руки упирается в висок. – Лина, хоть ты ей объясни, что если твой брат поймет, что Вария готова на самом деле остаться с ним на любых условиях, то не будет даже пытаться ситуацию исправить. Ему-то без разницы, кто у него любимая: жена или фаворитка. По-моему, мужчины вообще не понимают, насколько для нас важно быть единственными. Мой брат, узнав о привязке, прямым текстом заявил, что я должна все сделать, чтобы ферг Тогрис от меня не отказался. Я возмутилась, пыталась его убедить, что не согласна быть на вторых ролях, но разве меня кто-нибудь слушал? Потому сюда и отправили, чтобы... – Она зло прищуривается и

сердито цедит: – Я их разговор подслушала. Сначала принц отказался обсуждать свои личные дела, но Рил умело нашел нужные аргументы, и ферт пошел на уступку. В общем, они решили, что если мы с тобой подружимся, то Тогрис подумает насчет моего будущего. Совместного с ним, естественно.

Вот это да... Таких нюансов я не знала. Впрочем, откуда мне их знать? Мой суженый улетел на Шенор лечиться, так ничего и не рассказав. Вот и думай теперь – на самом деле он задумался о фаворитке в придачу к жене или просто не захотел портить отношения с мужем сестры?

Разбегается народ, когда краг идет на...

Взлет.

– Тише, мой хороший, спокойнее. Там нет ничего страшного, вода будет далеко и ты в нее не упадешь...

Ласково поглаживая Драка по чувствительному загривку, где кожа намного тоньше и не имеет роговых пластин, я изо всех сил стараюсь его успокоить. Чтобы сам набрался смелости и пролетел над морем, а не сделал это по принуждению. Поэтому на выразительную мимику и жесты Рильмины, которая потрясенно поднимает глаза к небу и в умоляющем жесте складывает руки на груди, внимания не обращаю. У нее свой подход к воспитанию крага, у меня свой. Ну не могу я, как она, морально давить на моего любимца. Мне намного приятнее, когда ему самому нравится делать то, что мне нужно.

К счастью, мои усилия не оказываются бесполезными. Драк коротко шумно вздыхает, припадает на передние лапы, приподнимая задние и заставляя меня крепче вцепиться в два роговых шипа по бокам головы. Несколько раз качнув из стороны в сторону хвостом, который стал еще толще, но остался таким же коротким, ящер резко бросается вперед. Площадку перед обрывом преодолевает за считанные секунды и, словно камень, брошенный в волну, летит над пропастью. Сначала по инерции, а потом... Потом за моей спиной раздается звук, словно резко встряхнули плотную ткань. Это развернулись упругие кожистые крылья – небольшие, компактные, но на удивление сильные, ведь вес животного, которого они удерживают в воздухе, мне кажется невероятно большим. Драк за эти два года вырос так сильно, что я, стоя рядом, смотрю ему прямо в глаза. А ведь он всего лишь подросток. Боюсь представить его размерчик, когда будет взрослым!

Кстати, он стал не только больше, но еще и спокойнее. Уже не боится оставаться в одиночестве и понял, что я от него никуда не денусь. Даже перестал рваться в аэрариум, потеряв интерес к жиралам. Впрочем, мне кажется, они стали для него слишком маленькими и потому неинтересными. Он ведь никогда не увлекался добычей меньше себя по размеру, всегда охотился на то, что крупнее. На ворков или ик'лы, которые случайно оказывались рядом, лишь сердито ворчал и мотал головой, отгоняя в сторону. Сейчас примерно то же

самое происходит с жиралями. Он их воспринимает просто как помеху, досадное недоразумение, которое летит рядом и мешает.

– Прекрати немедленно, – все же одергиваю, когда Драк своим рыком пугает одну из птиц, которую ее наездник неосмотрительно подвел слишком близко.

В ответ ящер издает такой жалобный звук, что мне становится стыдно – он ведь на самом деле не со зла это сделал, просто особенность его полета такая, что не предусматривает препятствий на пути. Лавировать крагу сложно. А с учетом, что под нами вода, а не песок, падать ему очень страшно.

– Прости, малыш, я не хотела тебя обидеть, – извиняюсь и успокаиваю его: – Ты не волнуйся, все хорошо. И вообще ты молодец! Смотри, вон уже и берег показался. Ты справился!

На мои слова внешне Драк никак не реагирует, но мне почему-то кажется, что ему моя забота приятна. Это ощущается... не знаю, как описать... В другом напряжении мышц у меня под ногами. В чуть ином изгибе короткой шеи, на которую я опираюсь. Даже в свисте, который рождает рассекаемый мощным телом воздух.

Мне сейчас на удивление радостно, потому я надеюсь, что и у него хорошее настроение. Ведь так сложно остаться равнодушным к ярким желтым лучам Адапи, заливающим светом окружающее пространство. Слепящим бликам, отражающимся от водной глади моря. Гребешкам волн, которые по

мере приближения к берегу становятся все выше и плотнее. Теплому сильному ветру, норовящему сорвать с меня платье. Непередаваемому запаху моря – влажному, соленому, будоражащему...

Оглянувшись, я улыбаюсь и машу рукой Рильмине, жираль которой летит следом за крагом. В ответ получаю кивок головой и вижу ее пальцы, сложенные в условный предупреждающий знак: «Не отвлекайся». Она всегда серьезно относится к полету. Постоянно мне напоминает, что ящеры не умеют планировать, если падают по вине наездника, то камнем вниз. Оттого и взлетают только с возвышенностей. Однако я в Драке уверена – он меня не подведет!

Вария летит с другой стороны, так что я и к ней поворачиваюсь тоже. Фрейлина мне улыбается, но грустно, совсем невесело. И это притом, что сидит она не одна, а с Ваймоном, который ее обнимает и что-то шепчет, практически зарывшись носом в гладкие волны синих волос.

Он, после того как признался в любви, вообще старается ее от себя не отпускать. Брат и раньше постоянно был где-то поблизости, но все-таки создавал нам иллюзию своего отсутствия и появлялся только по необходимости. Теперь же я вижу его рядом постоянно. Ваймон лишь на ночь уходит к себе, и то когда я уже недовольно ворчать начинаю.

Разумеется, его понять можно, признание для мужчины – это как сорванный стопор. Он принял решение, и теперь его не остановить. При этом они всего лишь встречаются, офи-

циально Вария все еще свободная девушка. Представляю, что будет, когда их отношения на другой уровень общения перейдут... А до этого момента осталось совсем немного. Три дня назад моя фрейлина стала совершеннолетней, а за день до этого получила возможность быть с мужчиной – физиология в этом смысле довольно точна и расхождения в сроке редко превышают несколько дней.

И ведь вот что удивительно – Ваймон ситуацией не воспользовался! Хотя и знает, что теперь для него преград уже нет, а держит себя в руках. Причин я не понимаю, объяснять свои действия брат не спешит, а устраивать ему допрос у меня просто не было времени. Мы к приему у вице-короля готовились. Наряды, подарки, личные вещи... Хотя и рядом совсем его резиденция – на острове, недалеко от побережья, а вернуться домой, если что-нибудь забудем, будет проблематично. Это не краткий визит, нас на несколько дней пригласили.

Водный простор внизу меняется на насыщенно-зеленый, травяной, и Драк становится увереннее. Прочная опора, на которую можно сесть и не провалиться невесть куда, его, несомненно, радует. Он даже позволяет себе повернуть голову и покоситься на меня хитро прищуренным желтым глазом.

– Нет, дорогой, тут тебе добычи тоже не будет! – Я смеюсь, потому что прекрасно помню этот взгляд, полный лукавой безнаказанности, в то время когда мощные челюсти исправ-

но пережевывают жираль.

– Ваур-р иур-р-р... – бархатисто ворчит в ответ краг.

«А это мы еще посмотрим!» – услужливо подсказывает перевод моя фантазия.

Нет, конечно, ящеры не говорят, но ничто не мешает мне думать иначе.

Равнина сменяется пологими холмами, растительность на которых гуще. На одной такой природной возвышенности бликует отраженным светом невысокое строение, напоминающее прозрачный купол, врытый в землю. У вице-короля, вернее его жены, своеобразный вкус. Старину она не так ценит, как новые необычные материалы и современный дизайн.

Перед резиденцией высокие растения отсутствуют, и мне это место кажется удобным для посадки. Я мягко хлопаю ладонью по шее ящера, показывая, что нам нужно вниз.

– Гур-р-р... – снижаясь, он вновь подает голос.

«Держи-и-ись!» – слышится мне.

Вытянув вперед все четыре лапы, Драк тормозит, вспарывая землю. По инерции я отклоняюсь назад и смеюсь, цепляясь за роговые выросты. А когда останавливаемся, не дожидаясь помощи, прыгиваю со спины, покрытой плотной тканью, и крепко обнимаю своего питомца за шею. Какой же он молодец!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.